

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 46 НОЯБРЬ 1979

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

1923 года

№ 46 (2731)

10 НОЯБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонек», 1979

НИН

АДЬ, 7 НОЯБРЯ 1979 ГОДА

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

АДЬ, 7 НОЯБРЯ 1979 ГОДА

Фоторепортаж с Красной площади вели ДМ. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. ГОСТЕВ, А. НАГРАЛЬЯН.

6 ноября 1979 года, Москва, Кремлевский Дворец съездов. Торжественное заседание, посвященное 62-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. Гостева

НАХОДКА В МУЗЕЕ РЕВОЛЮЦИИ

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпустил девять томов биографической хроники В. И. Ленина. В производстве находится десятый том. В этом фундаментальном издании с большой полнотой день за днем, час за часом прослеживается жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина. Казалось бы, что все уже известно, все выявлено, все включено в это издание. Но и сейчас еще у исследователей имеется реальная возможность внести свой вклад в пополнение документальной Ленинианы, в биографическую хронику Ильича. Почти во всех томах Полного собрания сочинений В. И. Ленина в приложениях опубликован список документов, до настоящего времени не разысканных.

И каждый раз, когда держишь в руках автограф Владимира Ильича, ранее неизвестный историкам, испытываешь большую радость первооткрывателя.

Недавно такое чувство пережила одна из старейших сотрудниц Центрального музея Революции СССР, В. С. Михайловская, проработавшая здесь почти 37 лет. При обработке материалов старых поступлений ее внимание привлек документ, где почерк был очень похож на почерк В. И. Ленина. В музей пригласили экспертов — ответственных сотрудников Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Они подтвердили: это рука Ленина.

Теперь, когда новый документ, неизвестный подготовителям Биографической хроники В. И. Ленина, занял свое место в документальной сокровищнице ленинских подлинников, можно кратко рассказать его историю.

...19 апреля 1921 года было для В. И. Ленина обычным, будничным днем. С утра он участвовал в заседании Политбюро ЦК РКП(б), на котором рассматривались важные вопросы жизни страны: проекты декретов Совнаркома о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена, о промысловой кооперации и об обмене, о созыве Всероссийского продовольственного совещания, о морских портах Грузии, о составе правления Московского высшего технического училища и другие. Уже простой перечень этих вопросов напоминает о том, что гражданская война и иностранная интервенция окончились и Советская Россия приступила к строительству социализма.

После заседания Политбюро В. И. Ленин написал письмо в Главное управление профессионально-технического образования Наркомпроса об отношении к буржуазным специалистам и использовании их в системе комиссариата просвещения, записки заместителю наркома внешней торговли А. М. Лежачеву, наркому здравоохранения Н. А. Семашко, заместителю наркома РКИ В. А. Аванесову, составил текст телефонограммы начальнику Всебуча, помощнику командующего Московским военным округом В. Н. Руссо и некоторым другим товарищам.

Во второй половине дня В. И. Ленин председательствовал на заседании Совнаркома.

Вновь найденный автограф — ответ Владимира Ильича на записку заместителя наркома просвещения Е. А. Литкенса. Где он мог быть написан?

С помощью сотрудников Цент-

рального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС документально устанавливаем, что на заседании Совнаркома 19 апреля 1921 года вопросы Наркомпроса не рассматривались и в списке присутствовавших фамилия Е. А. Литкенса не значится. А вот на заседании Политбюро ЦК РКП(б), где рассматривались вопросы, о которых мы уже упоминали, Е. А. Литкенс мог присутствовать, поскольку в повестке дня стояли два вопроса, относящиеся к комиссариату просвещения. Это обстоятельство дает основание предполагать, что вновь выявленный документ написан Владимиром Ильичем 19 апреля 1921 года на заседании Политбюро. На этом заседании, как следует из новых материалов, заместитель наркома просвещения Е. А. Литкенс обратился к В. И. Ленину с запиской, просил принять его для разговора о положении Наркомпроса и для получения указаний В. И. Ленина. Записка была датирована 19 апреля, а принять его Литкенс просил на той же неделе — в пятницу (22-го) или в субботу (23-го).

В. И. Ленин тут же ответил. Этот ответ и является тем новым документом, который выявлен в Центральном музее Революции СССР. В своем ответе Владимир Ильич дал согласие на встречу, оговарив, что в пятницу надо предварительно созвониться по телефону в одиннадцать утра через секретарей — Л. А. Фотиеву или М. И. Гляссер. Одновременно В. И. Ленин предложил Е. А. Литкенсу захватить для этой встречи его, Ленина, письмо, ответ А. В. Луначарского и другие материалы.

Что же стоит за вновь выявленным ленинским автографом? О каких материалах напоминает Владимир Ильич и что за вопросы волнуют Е. А. Литкенса?

Целесообразно напомнить, что переход к нэпу потребовал коренной перестройки народного хозяйства страны, всего государственного аппарата. Должен был перестроить работу применительно к новым политическим условиям и Народный комиссариат просвещения, возглавляемый одним из соратников Владимира Ильича — А. В. Луначарским.

Уже с конца 1920 года Центральный Комитет партии, Совет Народных Комиссаров, ВЦИК неоднократно рассматривали вопросы культурного строительства, актуальные проблемы народного образования, принимали меры к

коренной перестройке всей политико-просветительной работы. Отставание Наркомпроса от текущих задач, отрыв его от практики, громоздкость и неповоротливость аппарата — эти и другие вопросы много раз обсуждались в партийных и советских органах, служили предметом внимательного рассмотрения на коллегии наркомата, на партийных собраниях коммунистов этого комиссариата. В то время в Наркомпросе было 446 административных подразделений, а штат самого наркомата состоял из 2000 сотрудников.

Пристальное внимание перестройке работы Наркомпроса уделил В. И. Ленин. На заседаниях ЦК партии, Совнаркома и в процессе текущей оперативной работы Владимир Ильич участвовал в обсуждении и решении таких важных вопросов, как производственная пропаганда, периодическая печать и ее распространение, Пролеткульт, политехнизация школы, работа Главполитпросвета, Главпрофобра и других. Главное внимание руководящих работников Наркомпроса В. И. Ленин направлял на вопросы политехнизации школы и подготовки квалифицированных специалистов.

В связи с тем, что комиссия, возглавляемая А. В. Луначарским, не смогла внести приемлемых предложений о реорганизации Наркомпроса, Пленум ЦК РКП(б) 26 января 1921 года создал новую комиссию из членов Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным. С этого времени Владимир Ильич почти ежедневно занимался вопросами предполагаемой реформы Наркомпроса. Итогом этой трудной работы явились «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса», написанные В. И. Лениным и напечатанные в «Правде» 5 февраля 1921 года. 9 февраля «Правда» публикует статью Владимира Ильича «О работе Наркомпроса», в которой Ленин подробнейшим образом комментирует официальный партийный документ, подвергает обстоятельной критике недостатки в работе Наркомпроса, разъясняет неотложные задачи и перспективы его деятельности. Эти работы, а также «Положение о Наркомпросе», утвержденное В. И. Лениным, вооружили работников народного образования документами большой важности.

В марте 1921 года В. И. Ленин писал Е. А. Литкенсу, которому была поручена основная организационная и административная работа в Наркомпросе: «С Вас, и только с Вас, спросим строго и скоро (месяца через 2—3): результаты должны быть серьезные в смысле деловитости, отчетности, проверки работы 400 000 учителей, их организованности, их перехода на новые рельсы... Все внимание на это».

8 апреля 1921 года Владимир Ильич обратился к руководителям Наркомпроса — А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому и Е. А. Лит-

кенсу с письмом. «Множатся признаки», — писал В. И. Ленин, — что по части систематичности и планомерности работы дела в Наркомпросе не улучшаются, вопреки директивам ЦК и специальным заданиям ЦК при реорганизации Наркомпроса». Владимир Ильич интересовался, когда будет выработан основной план работы, какие вопросы в него войдут. В самой деликатной форме, в виде вопроса («такие ли...?») он сам указывал наиболее существенное, что, по его мнению, целесообразно было отразить в этом плане.

Вот это письмо и имел в виду Владимир Ильич, предлагая Е. А. Литкенсу во вновь выявленном автографе захватить его с собой для беседы о делах Наркомпроса.

Что касается ответа А. В. Луначарского на это письмо, о чем В. И. Ленин упоминает в автографе, о котором идет речь, то ответ был подготовлен 12 апреля и направлен Владимиру Ильичу. Из сообщения А. В. Луначарского следовало, что основные вопросы, о которых беспокоился Владимир Ильич, уже включены в план работы Наркомпроса и его главков. А еще через несколько дней Е. А. Литкенс сообщил В. И. Ленину, что во исполнение директив ЦК проведено разделение обязанностей между наркомом и его заместителями. Одновременно Е. А. Литкенс представил В. И. Ленину краткий перечень основных задач Наркомпроса для работы на ближайшее время.

Конечно, мероприятия по перестройке работы Наркомпроса не могли быть осуществлены без трудностей, без борьбы с косностью и противодействием реакционных элементов. Быстрому преодолению этих затруднений способствовали добрые советы и практическая помощь со стороны В. И. Ленина. Видимо, на это и рассчитывал Е. А. Литкенс в своей записке к Владимиру Ильичу, написанной на заседании Политбюро ЦК 19 апреля 1921 года.

Что касается встречи В. И. Ленина с Е. А. Литкенсом, о чем шла речь во вновь выявленном документе, то эта встреча действительно состоялась, но не в апреле, а 3 мая 1921 года. Беседа Владимира Ильича с Е. А. Литкенсом была целиком посвящена работе Наркомпроса в новых условиях.

Об этих сложных и исключительно важных для всей страны вопросах деятельности Наркомпроса напоминает нам новый автограф Владимира Ильича Ленина.

Остается добавить, что приказом по Центральному музею Революции СССР В. С. Михайловской, выявившей неизвестный документ В. И. Ленина, объявлена благодарность.

А. ГАК,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центрального музея
Революции СССР

Фото Ю. Казакова и Ю. Лушина

Торжественная минута завершения жатвы в совхозе имени Кирова, Целиноградской области.

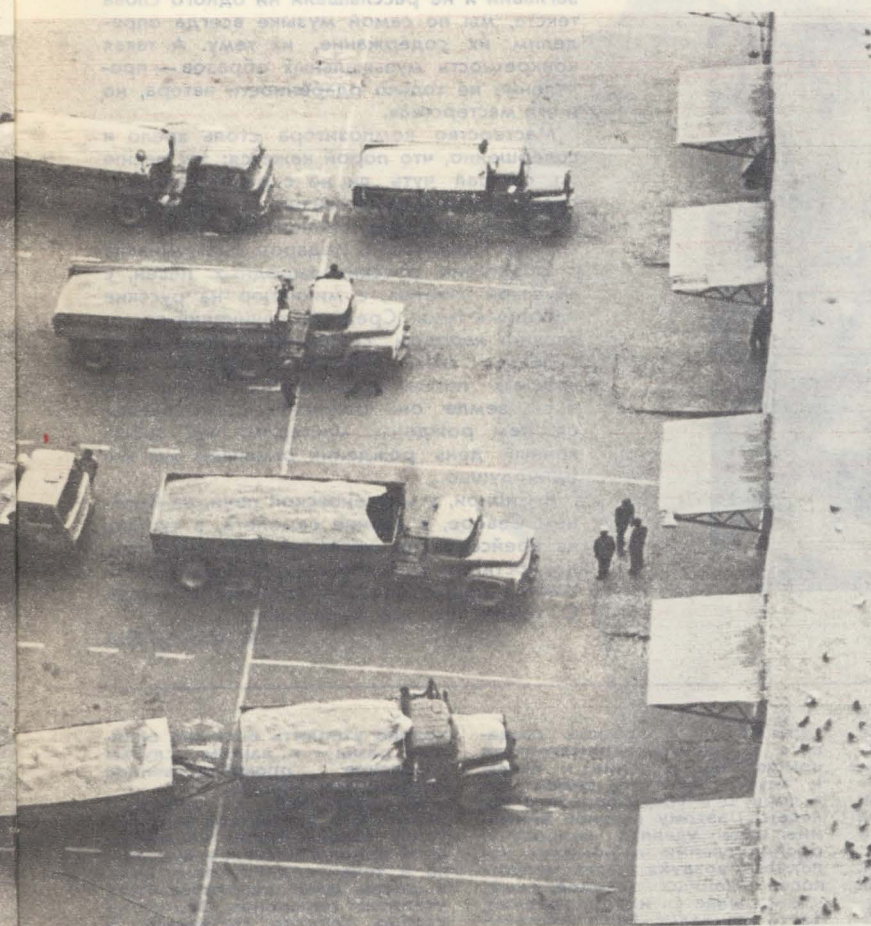

КАЗАХСТАН: 1 МИЛЛИАРД

Приз победителю — целиноградскому комбайнеру Анатолию Григорьевичу Диде, намолотившему почти двадцать тысяч центнеров зерна.

Пик страды на элеваторе Кустаная.

Центральный Комитет КПСС горячо и сердечно поздравляет рабочих совхозов, колхозников, механизаторов, руководителей и специалистов хозяйств, ученых, работников сельскохозяйственных и заготовительных органов, коллективы промышленных предприятий, транспортных организаций, учебных заведений, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников, всех трудящихся Казахстана с большой трудовой победой.

Из приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА

Страна ждала этого дня. И вот хлеб в степях Казахской ССР обмолочен, собран, вывозится на государственные элеваторы. Привычные, казалось бы, понятия страды, битвы за хлеб в годы урожайные наполняются как бы новым смыслом: на земледельцев восточных районов возлагаются особые надежды, они должны отсыпать в закрома Родины хлеб полной мерой, умножить мощь продовольственного и фуражного баланса страны. Так было и в этом году, когда погодные условия в других районах сложились неблагоприятно. В начале августа стало известно, что в южных, западных и центральных областях Казахстана выращен отменный урожай. Отодвинулась тревога, порожденная поздней весной, медленным развитием злаковых. А потом навалилась череда недель великого труда.

Радовали первые рапорты областей. Хлеборобы Карагандинской области отличились небывалым намолотом — они продали два годовых плана, почти миллион тонн зерна. Затем последовали рапорт за рапортом Семипалатинской и Актюбинской областей, Восточно-Казахстанской и Джамбулской, наконец, Целиноградской и Кокчетавской областей. И там хлеборобы перешагнули рубежи рекордных намолотов. Достаточно напомнить: целиноградцы продали более 3,3 миллиона тонн зерна, а ведь это почти два годовых плана. Впервые столько хлеба — более полутора миллионов тонн зерна — засыпала в закрома Родины Северо-Казахстанская область. А их соседи-кокчетавцы — более 2,3 миллиона тонн. Перевыполнила план продажи зерна Тургайская область, а ведь ее поля взлелеяны почти в зоне полупустыни. Главные поставщики целинного хлеба республики — кустанайцы. Я позвонил в Кустанай. У телефона первый секретарь обкома партии Андрей Михайлович Бородин:

— Да, продано двести двадцать девять миллионов пудов — почти три миллиона семьсот тысяч тонн зерна...

Не каждый год бывает в области таким урожайным. А нынче здесь много сделали для его строительства; заботы степняков, усилия специалистов и механизаторов одолели, казалось бы, неодолимое: земля распаханной четверть века назад целины отозвалась на труд повзрослевших, мудрых хозяев щедрым хлебом. Не случайно сорок совхозов области уже выполнили хлебную пятилетку.

— Много ли весит доля хлебного флага? — продолжал Андрей Михайлович. — Кустанайцы снова продали зерна почти втрое больше, чем до освоения целины продавала вся республика. Десятки хозяйств области не первый год засыпают в закрома страны по миллиону и более пудов хлеба, а совхозы имени Алтынсарина, «Викторовский», «Станционный» и Казахстанский совхоз-техникум продают ежегодно по два — два с половиной миллиона пудов. Более пяти с половиной миллионов пудов зерна продал нынче совхоз имени Н. Г. Козлова. А вот особое достижение кустанайцев: свыше девяноста процентов пшеницы продано государству как пшеница сильная и ценная.

За выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися Казахской ССР в осуществлении решений XXV съезда КПСС по увеличению производства зерна, и продажу государству в 1979 году 1 миллиарда 250 миллионов пудов хлеба Казахская ССР награждена орденом Ленина.

...Степные дороги Казахстана гудят и сегодня, когда на поля легли снега, — это идут и идут автокараваны, груженные хлебом 1979 года. Хозяйства Кустанайского, Тарановского да и других передовых районов республики вывозят зерно в счет одиннадцатой пятилетки! Хорошая примета на будущее — плодородие ухоженной нивы не теряет силы. Строительство урожая в этой хлебной зоне все более управляемо. Снова целинники сказали свое решающее слово.

Н. БЫКОВ

250 миллионов пудов

БОРОТЬСЯ ЗА ЧЕЛОВЕКА

В президиуме конференции.

Фото В. Богданова

Все мы, даже те, кому не часто приходится сталкиваться с деятельностью службы по охране правопорядка, знаем, сколь нелегок этот труд и сколь ценных человеческих качеств он требует от работников органов внутренних

дел, сотрудников милиции. Словом, все, кто блюдет покой советских граждан и кто помогает партии воспитывать нового человека,—это люди, в любую минуту готовые прийти на помощь другим, люди, постоянно готовые

к подвигу. И естественно, что актуальным и сложным темам правопорядка и труду его охранителей посвящают свои произведения многие советские писатели.

Недавно в столице Узбекистана состоялась организованная Союзом писателей СССР и МВД СССР Всесоюзная конференция, посвященная морально-нравственным и правовым проблемам в художественной литературе.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, приветствуя участников конференции, сказал:

— Героями многих книг советских писателей являются работники органов внутренних дел. Их служба, овеянная героической романтикой, требующая мужества и стойкости, воли и находчивости, риска и порой самоотвержения, достойна самого глубокого уважения и самых добрых слов...

С докладом «Проблемы деятельности органов внутренних дел в произведениях советской художественной литературы на современном этапе» выступил за-

меститель министра внутренних дел СССР, генерал-лейтенант Ю. М. Чурбанов.

Писатели А. Ваксберг, В. Амлинский, Л. Ошанин сделали сообщения, посвященные морально-нравственным и правовым проблемам в различных жанрах современной литературы. В прениях выступали писатели, сотрудники органов внутренних дел, издательские работники, кинематографисты, представители республик и областей страны.

«Мы ждем от писателей произведений, которые бы не только раскрывали работу сотрудников органов внутренних дел, но и вместе с нами воевали за человека»,—сказал Ю. М. Чурбанов в заключительном слове.

Конференция приняла рекомендации, направленные на дальнейшее укрепление сотрудничества писательских организаций и органов внутренних дел, сотрудничества, которое помогает создавать произведения, правдиво и всесторонне освещающие работу советской милиции, способствующие нравственному и правовому воспитанию советских людей.

О ЗЕМЛЕ, ЧТО НАС ВЫРАСТИЛА

...Электричка мерно гроыхала по Подмоскovie, а в ней, как и двадцать лет назад, пели «Песню о тревожной молодости»... Песня поколения? Вернее, поколений! Ведь не одно уже поколение воспитала она. А такие же любимые — «Геологи», а еще «ЛЭП-500», «Письмо на Усть-Илим», «Нежность», «Мелодия», «Надежда»... Да, многие песни Александры Пахмутовой стали веками. И не только на пути развития песенного искусства, но и веками, отмечающими движение нашей жизни.

Часто слишком легко говорим «талант», порой не задумываясь, что стоит за словом. А талант — это сокровище. И высокая цена его зависит от того, кому он принадлежит — только ли его обладателю или всем нам, всем людям.

Наверное, мало кто еще умеет так быстро завоевывать слушателя, как Пахмутова. Ей дана способность тонко и точно улавливать дыхание времени. Но современность, даже сиюминутность ее песен имеет динамику: ее мелодии словно взрослеют вместе с нами. Отсюда — долголетие произведений Пахмутовой. Ее присутствие в музыкальном мире давно стало необходимостью, так тесно ее мелодии переплелись с нашей жизнью. Дмитрий Кабалевский еще в 1957 году сказал о песнях Пах-

мутовой: «Даже если мы не знаем их заглавий и не расслышали ни одного слова текста, мы по самой музыке всегда определим их содержание, их тему. А такая конкретность музыкальных образов — проявление не только одаренности автора, но и его мастерства».

Мастерство композитора столь зрело и совершенно, что порой кажется: эту песню ты слышал чуть ли не с рождения. Она плоть от плоти твоей жизни, твоего народа. И в этом, наверное, заключена главная суть музыки Пахмутовой. Недаром она начинала с обработки русских народных песен, с «Русской сюиты», с миниатюр на русские народные темы. Среди ее сочинений песни, словно народом созданная, «Зачем меня окликнул ты?», множество других прекрасных песен. Услышав их, знаешь, на чьей земле они рождены, догадываешься, кем рождены: мастером, чей собственный день рождения отмечаем мы все единодушно...

В Сибири, у мартеновской печи, на Крайнем Севере, в кабине самолета, в тундре, на крейсере Пахмутова не любопытствует, но постигает суть происходящего. И появляются новые песни о времени и людях. О земле, что нас вырастила...

Л. СЕМЕНОВА

**ЧТОБЫ
БЫЛО
ТЕПЛО**

Приближается зима. Какая она будет в этом году? Морозная, с пронзительными ветрами или снежная и мягкая? Трудно предугадать. Но, какие бы ни были погодные условия, зима есть зима. И москвичи, как и жители других городов и сел, готовятся к встрече с ней. В сентябре в Москве проходил месячник по завершению предзимних работ и осеннему благоустройству города. Это значит, что большое внимание было уделено техническому состоянию общественных зданий и жилых домов, тепловых сетей, отопительных трубопроводов и т. д., одним словом, проверялась готовность огромного топливно-энергетического хозяйства Москвы к эксплуатации зимой. Все эти вопросы касались меня непосредственно, так как моя профессия — инженер по системам вентиляции и отоплению. Мне часто приходится проверять работу вентиляционных установок, делать замеры влажности и темпера-

туры воздуха, то есть создавать в рабочих помещениях комфортные условия и летом и зимой. Понятно, зимой это в первую очередь борьба с холодом. Поэтому главное внимание надо уделять вопросу о проникновении в комнату холодного воздуха через неплотности оконных проемов, тому, что называется инфильтрацией. Часто удивляет бесхозяйственное отношение некоторых организаций к проблеме сохранения тепла, когда тысячи киловатт-часов электроэнергии расходуются зря.

А как сохранить тепло в квартире? Как сэкономить тысячи государственных денег? Мне кажется, что очень большая ответственность лежит на хозяйке дома. Совсем нетрудно вовремя утеплить окна и двери поролоном, оклеить оконные рамы, форточки или фрамуги обыкновенной бумагой. Многие жители нашего города ежегодно делают это сами. А если вы заняты или вам

трудно утеплить большие оконные рамы — к вашим услугам городское производственное объединение «Заря».

Я обратилась в приемный пункт № 5 комбината бытовых услуг «Заря». Через несколько дней пришел мастер, и буквально в течение двух часов окна и двери моей квартиры были утеплены поролоном. Это очень удобно, опрятно, гигиенично и стоит недорого, а самое главное, надолго сохраняется тепло. Я заинтересовалась работой комбината и выяснила, что в этом году поступило заказов от населения и учреждений так много, что все цеха комбината, даже полотерный и протирочный, включились в борьбу за утепление квартир. Каждый житель нашего города должен подумать об этом уже сейчас, не откладывая заботы по сохранению тепла в долгий ящик.

О. НОВОКРЕЩЕНОВА,
инженер

Москва.

Ю. Королев. Род. 1929. ВСЕГДА
НА СТРАЖЕ ЗАВОЕВАНИЙ
РЕВОЛЮЦИИ.

Центральная часть триптиха.

А. Юркин. Род. 1931. СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР.

4
2
3
5
7
8
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

ПЕВЕЦ БРАТСТВА

Михаил АНДРИАСОВ

Микаэл Налбандян... Этому светлому имени вечно сиять не только в истории армянского народа, породившего пламенного революционера и не менее пламенного поэта, — оно прочно вошло и в плеяду видных русских революционеров-демократов XIX века, боровшихся против царского самодержавия. В Налбандяне счастливо сочетались качества свободолюбия и гуманиста, борца за справедливость, смело ставшего под знамена Чернышевского и Герцена. Да и сам он был поименован «армянским Чернышевским».

На русской земле прошли детские годы и юность Микаэла. Куда бы потом ни уводили его дороги, на всю жизнь ему запомнились привольный Дон, город Ростов-на-Дону, старинная крепость Дмитрия Ростовского, сердечные, братские отношения между простыми тружениками — армянами и русскими.

С малых лет потянулся будущий революционер к книгам. Но в доме отца-ремесленника их оказалось не так-то много, и потому каждая встреча с печатным словом была праздником для мальчика. На это пристрастие обратили внимание родные, знакомые семьи. Учителем юного Микаэла стал Габриэл Патканян, открывший в Нахичевани частную школу.

Духовным наставником Налбандяна явился и Хачатур Абовян — родоначальник новой армянской литературы, просветитель, автор исторического романа «Раны Армении». Это произведение можно назвать литературным памятником освобождения Армении от двухвекового гнета чужеземных завоевателей. Вступление русских войск в 1827 году в Ереванскую крепость и последовавшее затем присоединение Восточной Армении к России — вот предтеча новой истории армянского народа.

Утверждения автора «Ран Армении» Микаэл Налбандян воспринял как духовную эстафету. Да, единение с Россией есть первый шаг к освобождению. Однако Налбандян идет дальше. Освобождение своей нации он видит в братском союзе с трудовым народом России, ибо армянский демократ был врагом самодержавия, как и любой другой тирании. Публицистические статьи Микаэла Лазаревича, написанные в духе Чернышевского, исполнены веры в то, что в России, несомненно, вспыхнет революция. Налбандян всецело посвящает себя подготовке армянских трудовых масс к надвигающимся историческим событиям, он вооружает соотечественников передовыми, демократическими идеями, решительно зовет их к борьбе за справедливость, убеждает не медлить, вовремя присоединиться к грядущей русской революции. «Зарождающуюся в России свободу», пишет он, — смело можно назвать человеческой свободой. Свобода России имеет огромное значение для свободы всего человечества».

Свобода, борьба за ее достижение, готовность всего себя отдать святому делу освобождения народа — не этой ли благородной и возвышенной цели исполнены стихи:

Свобода! — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не боюсь.
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнь, виселицы пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

Поэзия Микаэла Налбандяна имела чистые и глубокие источники: творчество прогрессивных предшественников — пере-

довых мыслителей Армении, идеи Хачатура Абовяна, свободолюбивые стихи великих русских поэтов Пушкина и Лермонтова. В творчестве Микаэла Налбандяна — высокая гражданственность, призыв к ниспровержению самодержавия и деспотизма:

...А я пойду на площадь, на простор,
Без лиры, без нарядных, пышных слов.
Мне должно бушевать, негодовать.
К сраженью с тьмой я должен быть готов.

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага! —
Вот жизни смысл, вот боевая речь!

В издававшемся в Москве прогрессивном армянском журнале «Юсисапайл» («Северное сияние») Налбандян печатает публицистические статьи, в которых бичует армянских крепостников и буржуа.

В памфлете «Две строки» он смело заявляет, что никто не удержит его в борьбе за свободу. «И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой и будем слу-

нахичеванскую квартиру Налбандяна, заковывают его в кандалы и отправляют в Петербург. За «крамольную» связь с «лондонскими пропагандистами» Микаэл Налбандян заточен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

Дело о Налбандяне передается в сенатскую комиссию, которая лишь через три года выносит решение о высылке уже безнадежно заболевшего туберкулезом революционера под строгий надзор полиции в город Камышин. Здесь, в ссылке, 12 апреля 1866 года Микаэл Налбандян на тридцать седьмом году жизни скончался.

Тело писателя доставили в Ростов. Огромные толпы народа встречали траурную процессию. Тысячи русских и армян выражали свое глубокое уважение к памяти того, кто являлся их верным другом и защитником. «В Нахичевани, — с тревогой доносила в Петербург ростовская охранка, — гроб встречен был с необыкновенным триумфом и почетом... при стечении всего населения города».

Микаэл Налбандян похоронен во дворе

жить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу».

В Петербургском университете Налбандян завершает свое образование и получает ученую степень кандидата. К этому времени он теснее связывается со средой, близкой Чернышевскому и журналу «Современник». Дела петербургской революционной организации требуют встречи с Герценом. И он встречается с ним и другими представителями русской революционной эмиграции в Лондоне в 1862 году.

Агенты третьего отделения пристально следят за каждым шагом поэта. Прошло всего лишь четыре дня после возвращения, как ростовские жандармы, согласно тайному приказу из Петербурга, окружают

армянского монастыря Сурбхач, в семи верстах от Нахичевани. Ныне здесь помещается Мемориал русско-армянской дружбы.

...В ноябре 1954 года Михаил Александрович Шолохов писал в армянской газете «Советакан Айастан» («Советская Армения»):

«Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева».

Армянин по национальности, он был моим земляком, и я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова: «Свобода! — восклицаю я...»

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный
корреспондент
«Огонька»

ПРЯМЫЕ СВЯЗИ:

РЕПОРТАЖ ОБ УХАБАХ, ЧТО ЕЩЕ ЛЕЖАТ НА ПУТИ ОВОЩЕЙ И ФРУКТОВ ОТ ПОЛЯ ДО ПОКУПАТЕЛЯ

Уже два раза бегал я с ведром и канистрой к придорожным колодцам. Но через пять километров пути красавец КамАЗ превращал эту воду в пар. Иван Иванович Тодика притормаживал у обочины, поднимал кабину и забирался в мотор. После третьей остановки спокойный и уравновешенный водитель начал нервничать. Еще бы, в холодильнике девять с лишним тонн винограда, а на рейс Кишинев — Москва — Коломна отпускается шестьдесят один час. Шестидесять два часа означают потерю премии, увеличение отходов при сдаче винограда на базу и т. д. и т. п.

Четвертая остановка была совсем неудачной — близости ни реки, ни колодца. К счастью, километрах в трех от дороги виднелась какая-то ферма. Ничего не поделаешь, пришлось идти на ферму. Воду я раздобыл. А когда вернулся, около нашего КамАЗа стояло еще два: шоферская солидарность! Но... разобраться в поломке не удалось.

Кто знает, что было бы дальше, если б нас не догнал на «Шкоде» Василий Опря. Он тоже вез виноград и сливы, и путь не близкий — в Горький, но Василий решительно выключил двигатель, надел замасленную робу и полез в мотор КамАЗа. Три часа возились оба водителя, пока не обнаружили поломку.

Дальше ехали вместе. И не зря: помощь Василия Опри понадобилась снова. Что скрывать, корил я себя, и не раз, за то, что ввязался в эту поездку. Ведь можно было не трястись двое с половиной суток в кабине «больного» КамАЗа, а прилететь в Москву на самолете и встретить Ивана Ивановича где-нибудь на кольцевой дороге. Но теперь, когда все позади, я благодарю судьбу за эту поездку: иначе я бы никогда не узнал, как живут и работают шоферы-«дальнобойщики» — так себя называют водители, обеспечивающие междугородные перевозки.

И все же сейчас разговор не об этом. Ведь поездка на холодильник — последняя деталь в деле, которым я занимался, выполняя редакционное задание. Тему репортажа мы сформулировали еще в редакции: «Эффекты и дефекты прямых связей. Об этих связях говорится и в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «...завершить в основном в 1980 году перевод производственных объединений (предприятий) на прямые длительные хозяйственные связи». Разобраться в проблемах нового дела мы решили на примере созданного семь лет назад аграрно-промышленного объединения «Молд-плодоовощпром».

— Чем больше рук прикасается к плодоовощной продукции, тем хуже! — решительно заявил в самом начале нашего разговора

председатель этого объединения Д. И. Ивашук. — Надо, чтобы у цепочки: поле — заготовитель — транспорт — торговля — был один хозяин. Раньше было так: колхозы и совхозы выращивали, скажем, помидоры, организация «Молдплодоовощ» их заготавливала, передавала на перерабатывающие предприятия, а также на городские и районные торговые базы, и только потом помидоры поступали в магазины. Представляете, сколько было перевалок со склада на склад, с машины на машину! А всевозможные взаимные претензии... То заготовители отказываются принимать продукцию у колхозов — некуда, мол, девать, то райторги не согласны с оценкой качества, то вышли из строя холодильники, и часть овощей и фруктов подгнила. Вывод напрашивался один: передать «Молдплодоовощу» магазины, перерабатывающие предприятия, транспорт, закрепить за объединением ряд совхозов... Новой организации дали название «Молдплодоовощпром». На нее возложили, как говорится, всю полноту ответственности за снабжение населения овощами и фруктами, а также за их переработку и сдачу во всесоюзный фонд. Объединение быстро набирало силу. Сейчас в него входит 29 совхозов, 25 консервных заводов, торговые плодоовощные базы, магазины, заготовительные и строительные организации, автобазы, конструкторско-технологическое бюро, техникум пищевой промышленности — около двухсот предприятий и организаций.

— Семь лет — срок немалый. Наверное, можно подвести кое-какие итоги?

— Убедительнее всего ответят цифры. Заготовка овощей за эти годы увеличилась в полтора, а фруктов в два раза, поставка в общесоюзный фонд более чем в полтора, промышленная переработка — в два, урожайность овощей выросла в полтора, а фруктов в три раза. Так что, если говорить о снабжении населения овощами, фруктами, то создание объединения, безусловно, оправдано. Но... у нас есть множество «но». Скажем «а», мы еще не в полный голос сказали «б». Нерешенных вопросов, увы, немало. Я мог бы их назвать, но будет лучше, если этот разговор перенесем на поля, базы, заводы и в магазины.

В Слободзейском районе раскинулись поля совхоза «Молдавия» — одного из крупнейших в республике. Хозяйство это известное, можно даже сказать, образцовое — не даром совхоз наградили юбилейным знаком «За трудовую доблесть в девятой пятилетке» и четыре года подряд — переходящим Красным знаменем

ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, с занесением на Всесоюзную доску почета на ВДНХ. Основная продукция хозяйства — овощи, в прошлом году их сдано тридцать шесть тысяч шестьсот тонн, гораздо больше плановых заданий.

Но директор «Молдавии» А. Л. Булганский говорил не о достижениях, а о проблемах, которые надо решать, и решать немедленно.

— Главная наша продукция — томаты, ежедневно мы должны сдавать по шестьсот тонн. Принимают же по триста. Куда их девать? На первый взгляд мне до этого никакого дела: платежную квитанцию совхоз получает после взвешивания «лодки» — так мы называем специально оборудованные самосвалы. Но высыпать помидоры некуда — резервных хранилищ у приемного пункта нет. Вот и стоят наши «лодки», набитые томатами. Между тем на полях полным ходом идет уборка, надо вывозить то, что собрано, а машины превращены в склады.

Позже я побывал на приемно-перерабатывающем пункте. В принципе это целый завод, перерабатывающий томаты в пульпу, которая по трубам, проложенным под Днестром, идет на другой берег. Там ее перекачивают в машины-пульповозы, а уже те доставляют пульпу на завод имени 1 Мая, где из нее делается томатная паста. Казалось бы, все продумано. Но... насосы слабые, трубы малого диаметра, часто случаются «пробки» и всевозможные остановки. Главный инженер Тираспольского аграрно-промышленного объединения В. Т. Цорно уверял директора совхоза, что вот-вот поступят мощные насосы, что будут выделены дополнительные пульповозы.

— Когда? Когда это будет? — наседали А. Л. Булганский. — Посмотрите вокруг — все красно от помидоров. А запах? Чуете, какой запах? Они уже гниют! Это же убытки, громадные убытки! Кто за это ответит?

Главный инженер обещал прислать ремонтников, уверял, что лично разберется в этом деле, а потом вдруг заявил, что так работать вообще нельзя. Надо создавать систему промышленной переработки томатов, а не вырывать из этой системы одно звено.

Когда я попросил объяснить, что это значит, В. Т. Цорно предложил поехать на поле. Вот, скажем, «чудо» современной техники — томатоуборочный комбайн. Как думаете, сколько человек на нем работает? Три? Пять? Семь? Восемнадцать! Восемнадцать сборщиц на одном комбайне... За смену на нем собирают тридцать тонн томатов, вручную эта бригада собрала бы второе меньше. Но после комбайна помидоры можно пускать только в промышленную переработку, — а цены на них довольно низкие, — тогда как собранные вручную охотно принимают магазины — цены, конечно, гораздо выше.

— А как с заработками? — спросил я.

— На комбайне они ниже, — в один голос заявили работники.

— Зато устаем гораздо меньше, — сказала М. П. Бондаренко.

— Так-то оно так. Но вы посмотрите, что вытворяет этот чертов комбайн! — перебила Татьяна Пономаренко. — Вот куст. Этот сорт называется «Факел». Давайте посчитаем, сколько на нем красных и сколько зеленых помидоров. Правильно, пятнадцать красных и восемь зеленых. При ручной уборке мы срываем только красные; через несколько дней идем по второму разу и берем созревшие плоды. А комбайн выдирает весь куст! Разве это дело! Прежде чем пускать эту машину, надо было вывести такой сорт, чтобы плоды созревали дружно.

— И не только одновременно, — подхватила Татьяна Федорова. — Куст должен быть плотным, компактным, а не развесистым. Тогда и отходов будет меньше. Химикам, между прочим, тоже есть работа. Слыхала я, что на хлопчатнике перед уборкой химическими препаратами удаляют листья. Хорошо бы и на томатах такое придумать.

Вот с чего, оказывается, надо начинать — со специального сорта томатов, с разработки технологии их уборки, с конструирования хорошего комбайна.

— А теперь несколько слов в защиту «Молдплодоовощпрома», — сказал А. Л. Булганский. — До создания объединения арбузы в республику завозили из Херсона, морковь из Белоруссии и отовсюду — петрушку, укроп, пастернак и прочие зеленые. И это в Молдавию, где можно вырастить все что угодно! Теперь у нас всего этого хватает. Больше того, если какая-то новая культура понадобится завтра, она немедленно появится. Почему? Да потому, что не у кого спрашивать, не на кого надеяться, — «Молдплодоовощпром» полностью отвечает за снабжение населения свежими овощами и фруктами, а также за обеспечение перерабатывающей и консервной промышленности. А ведь только Тираспольское аграрно-промышленное объединение выпускает 364 миллиона банок в год. Одно плохо: тираспольские заводы, а их четыре, работают десять месяцев в году. С первого апреля по первое июня все, кроме ремонтников, идет в отпуски. Причина неритмичности в том, что заводам просто нечего перерабатывать — ведь за ними закреплен только наш совхоз. Мы, конечно, стараемся и даем немало сверхплановой продукции, необходимой для переработки, но львиная доля за другими хозяйствами. С ними заключены договоры о поставках, но, к сожалению, они далеко не всегда выполняются. Я, например, понимаю, почему: колхозам выгоднее отправлять свежие овощи и фрукты на рынок или в магазин.

ЭФФЕКТЫ И ДЕФЕКТЫ

Итак, речь зашла о магазинах. Это очень важное звено в той цепочке, о которой говорил Д. И. Ивашук. Ни для кого не секрет, что время от времени из магазинов напрочь исчезает картофель, лук, а то вдруг в разгар лета куда-то деваются огурцы и помидоры. Между тем на базах всего этого в достатке. Думается, теперь положение в корне изменится. Большую роль тут сыграет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы», в котором есть такие строки: «...предусматривается ответственность оптовых баз за бесперебойное снабжение магазинов товарами в необходимом ассортименте, а также ответственность предприятий розничной торговли за наличие ассортимента минимума товаров в магазинах».

В Молдавии, кроме договоров с оптовыми базами, налаживаются прямые связи с колхозами и совхозами. Девяносто семь магазинов Кишинева работают по этому принципу. Я побывал в нескольких из них, но расскажу, пожалуй, об одном — «Роаде». Этот магазин расположен в густонаселенном районе города — Кировском. Здесь живет сто двадцать тысяч человек. Овощами и фруктами их обеспечивают двадцать семь магазинов — все на прямых связях. «Роада» — по-русски «Урожай» — существует три года, и все это время им руководит Л. Н. Сушкевич.

— Раньше, до установления прямых связей, маета была страшная, — вспоминает Любовь Николаевна. — Магазин подчинялся «Горплодоовощторгу», а продукцию поставлял «Молдплодоовощ». Каждый день жуткие накладки! То привозят совсем не то, что мы заказывали, да еще настаивают: разгрузайте быстрее, а то вообще останетесь с пустыми руками; бывало и так, что мы отказывались принимать, скажем, персики — склады, говорим, забиты и девать их некуда. А продукция-то скоропортящаяся...

Теперь — надежно отлаженный конвейер. За «Роадой» закреплено пять хозяйств: совхозы «Нистру», «Стругураш», «Днестровский», «Примэвара» и колхоз имени Кирова. Все они в 60—70 километрах от Кишинева. С поля до магазина продукция идет всего полтора-два часа. Правда, я с руководителями хозяйства не общаюсь, это функция директора Октябрьского районного объединения «Молдплодоовощпрома». Туда же я подаю заявки. К примеру, на завтра заказываю три тонны капусты, пять тонн баклажанов, три тонны винограда, пять тонн лука, двадцать тонн арбузов и так далее. За один день столько не продать, но мы обязательно делаем запас на полтора-два дня.

Очень важно и то, что приемка продуктов производится прямо в поле — в каждом хозяйстве есть представитель объединения, который оценивает, скажем, виноград по качеству и тут же выписывает платежную квитанцию. Раньше эту квитанцию хозяйства получали в городе, а ведь дорожная тряска и очереди на базах, как известно, не улучшают качества продукции. Мало того, транспорт тоже наш, так что колхозам и совхозам не нужно отвлекать автомашины от работ.

И еще. Раньше случалось, что часть продукции теряла свои кондиции, ее возвращали хозяйствам. Сейчас это исключено. Во-первых, за нее уже заплачено, и, во-вторых, недалеко от Кишинева построен завод по переработке некондиционной продукции. Короче говоря, в республике стараются все наладить по-хозяйски, чтобы все шло в дело.

Очень важно то, что подумали и о нас, торговых работниках: построены хорошие склады, холодильники, внедрена механизация, пересмотрена система оплаты. Если раньше продавцу было все равно, сколько он продаст тех же помидоров, то теперь он получает дополнительную оплату за тоннаж. Это напрямую сказалось на культуре обслуживания и качестве продукции.

И вдруг Любовь Николаевна с улыбочкой спросила:

— А вы знаете, какой самый главный показатель качества нашей работы?

— Процент выполнения плана, — неуверенно ответил я.

— С планом все нормально — перевыполняем. Не в этом дело. Вы на рынке были?

— Был.

— Народу там много?

— По-моему, продавцов больше, чем покупателей.

— Вот это и есть наш главный показатель! Если люди идут не на рынок, а в магазин — цены, между прочим, примерно одинаковые, — значит, качество наших овощей и фруктов, как и качество обслуживания, устраивает людей.

О магазине «Грэдина Молдовей», что значит «Огород Молдавии», рассказывать пока что не буду — он еще не совсем готов. Но когда его откроют, сюда наверняка будут ездить со всего города, — и за покупками и просто посмотреть на прекрасно спланированное здание, построенное в виде трехлучевой звезды. А мне посещение этого магазина запомнилось еще и тем, что в огромном подвале, где монтировалось оборудование холодильной камеры, я выслушал программную речь генерального директора Кишиневского «Горплодоовощторга» Ф. С. Ройзмана.

— План был, есть и будет законом, который все обязаны выполнять. Но раньше овощные магазины выполняли его не за счет реализации плодоовощной продукции, а за счет продажи вин и коньяка. Теперь этого нет! Отныне

выполнение плана оценивается только по реализации основной продукции. Так что надо учиться торговать! Торговля — последнее звено в цепи поле — предприятие — магазин. Нельзя забывать и о том, что покупатели судят обо всей цепочке по работе именно этого звена. Поэтому мы спешно реконструируем старые и строим новые магазины, создаем диспетчерские службы, перестраиваем работу транспорта.

О диспетчерских службах мне говорили и раньше. Их, оказывается, четыре. Кроме того, есть ЦДС — центральная диспетчерская служба.

— Принцип работы у нас такой, — рассказывает дежурный диспетчер Нина Абазова. — В Кишинева ведут четыре дороги, мы их называем направлениями: Котовское, Новоаненское, Криуляньское и Страшенское. На всех въездах свои диспетчерские службы. Сейчас на связи диспетчер Котовского направления. Он спрашивает, куда послать машину с виноградом из колхоза «Дружба». Смотрю, где он больше нужен. Ага, сорок третий магазин! А машину помидоров из опытного хозяйства имени Ленина направляю в тридцать девятый магазин.

— И так весь день?

— Не день, а сутки! Шестьсот грузовиков с овощами и фруктами приходит ежедневно в Кишинева, и их надо так распределить, чтобы в каждом магазине было все необходимое.

Часть машин все же приходит на ЦДС. Прежде чем направить их в магазины, специалисты определяют качество продукции. Я видел, как это делает старший инженер по качеству И. З. Дони.

— Мы последний барьер на пути небрежности и халтуры, — говорил Иван Захарович. — Некоторые хозяйственники порой позволяют себе эдакую бесшабашность: наше дело, мол, вырастить хороший урожай, а о том, как его сохранить, пусть думают другие. В совхозах, которые работают на прямых связях, это исключено: наши контролеры буквально каждую машину принимают в поле, и уж чего-чего, а бдительности и принципиальности им не занимать. Но немало хозяйств везут свою продукцию, минуя контролеров в поле. Вот такие-то и норовят свалить в одну кучу подгнивший виноград и хороший, червивую капусту и чистую. Авось, дескать, пройдет... Не пройдет!

— А какие санкции применяются к хозяйственникам, норовящим, как вы говорите, схалтурить?

— Самые действенные! Мы их бьем рублем. Оплата производится только после подписи контролера. Так что если четверть машины списывается в отходы, денег, как вы понимаете, они получают гораздо меньше. В другой раз не поленятся перебрать ту же капусту и крепко подумают, прежде чем отправлять явный брак.

Отправлять... Было бы на чем отправлять, подумал я. Проблема транспорта на сегодняшний день, пожалуй, самая острая. Судите сами. Передо мной суточная заявка «Молдплодоовощпрома». Заказано 116 вагонов, получено... 36. Если учесть, что у объединения полторы тысячи оптовых покупателей, нетрудно представить, какую нервотрепку порождает хронический недостаток транспорта, особенно железнодорожного. Ведь пока девять десятых всей продукции вывозится в вагонах, 8,2 процента — авторефрижераторами и только полпроцента — самолетами.

Приведу еще одну цифру: за восемь месяцев этого года железная дорога недодала «Молдплодоовощпрому» 1340 вагонов. А ведь каждый вмещает примерно двадцать тонн. Выходит, что за это время покупатели, то есть мы с вами, недополучили около тридцати тысяч тонн винограда, яблок, черешни, персиков и т. п.

Чтобы хоть как-то исправить положение, «Молдплодоовощпром» нещадно эксплуатирует авторефрижераторы. Но их всего 538. Надо бы не менее двух тысяч. Вот и мотаются шоферы по дорогам, нарушая все мыслимые и немыслимые правила эксплуатации автомобилей, не щадя и самих себя тоже. Стоит ли удивляться тому, что почти треть КамАЗов «отдыхает» у заборов автобаз: нужен ремонт, а запчастей нет. Нет и не предвидится! Если же поломка в дороге, надейся на самого себя да на сердобольных товарищей. Хорошо, что Иван Иванович Тодика возит с собой целую мастерскую, хорошо, что, кроме шоферского дела, он прекрасно владеет сварочным, малярным и слесарным, хорошо, что рядом был Василий Опря, а то бы нам ни за что не доехать до Коломны.

...Успели мы тюленька в тюленьку — добрались ровно за шестьдесят один час. И виноград сдала вроде бы нормально — всего четыре процента отходов. Но ведь четыре процента — это почти четыреста килограммов винограда прекрасного сорта «Шасла». Кто виноват? Да никто. Вот если бы отход превысил пятнадцать процентов, стоимость винограда зысчитали бы из зарплаты водителя. Словом, виноват стрелочник.

А машина этого «стрелочника» на обратном пути окончательно скисла. В родной гараж ее притащили на буксире.

Итак, подведем итоги. Создание «Молдплодоовощпрома», безусловно, себя оправдало. Эффекты прямых связей тоже бесспорны. Но, как мы видели, немало и дефектов. Их нужно устранять, и как можно быстрее. В выигрыше будут все — и хозяйственники, и заготовители, и переработчики, и, главное, покупатели.

Кишинева — Москва.

Д О Р О Г А

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Утро. Вокзал. Переключки гудков. Гулкие шаги уборщиц. На перроне свежо. Призывно горят отполированные рельсы — зовут в даль, где встает ранняя зорька и пронзительно голубеет небо.

Привокзальная площадь закипела от молодежи, тысячами пришедшей провожать на целину. Перрон был забит до отказа. Гремели трубы оркестра. Кто-то кричал прощальные слова, казалось, сам воздух гудит от рукопожатий, объятий, добрых пожеланий.

Поезд подался рано. Он подошел к платформе — нарядный, украшенный алыми стягами, транспарантами. Со стен вагонов кричали лозунги, спешно написанные мелом: «Даешь целину!», «Едем с нами».

Румяные лица, разгоряченные, радостные. Звонкое эхо вокзала, гудящая медь оркестра, смех и песни — все сливалось в радужное разноголосое большого события в жизни будущих покорителей целины. Эти минуты не забываются.

Отзвучали марши. Вспорхнула стайка голубей. И в наступившей тишине заговорило радио, оно объявило об открытии митинга.

Трибуна... Скатая до отказа прибоем бурлящей юности.

— Мне, старому рабочему, — говорил седой меднолицый мужчина с глубокими морщинами, изрезавшими высокий лоб, — радостно видеть все это, так напоминающее мне весну моей жизни, нашу молодость. Кумач плакатов, ваши яркие, блистающие глаза и улыбки заставили чаще биться мое сердце. Значит, не даром мы жили на свете, если такие ребята затевают столь серьезное дело, они продолжают работу, начатую отцами!

Гром оваций, крики приветствий обрушились на трибуну.

После него на трибуну поднялся Миша. По тому, как он снял шапку, нервным жестом пригладил волосы, Таня поняла — волнуется. Ей хотелось быть рядом с мужем, успокоить его.

Миша достал бумажку и стал читать срывающимся голосом:

— Дорогие товарищи, друзья! Уезжая на освоение новых, целинных и залежных земель, мы принимаем на себя перед лицом Коммунистической партии и Советского правительства, перед лицом всего нашего народа высокое обязательство...

Радио звонко разносило его слова, и Таня не сводила с Миши влюбленного взгляда.

Закончил он боевым призывом:

— Даешь целину! Ура!

И молодые голоса подхватили его клич.

— Хорошо выступил, — сказал отец, когда Миша подошел к ним. А мать обхватила своего сына, уткнулась лицом в его широкую грудь и заплакала. Миша и Таня стали успокаивать ее.

Последний выступающий пожелал будущим целинникам доброго пути, и митинг закончился.

— По вагонам! — разнеслось над привокзальной площадью. Оркестр заиграл марш «Прощание славянки», но его звуки потонули в криках провожающих и отъезжающих. Толпа хлынула к вагонам, которые через несколько минут вдруг тронулись с места и медленно покатались мимо перрона...

Тысячи забот, связанных с отправкой эшелона, остались позади. Все размещались, устраивались — дорога предстояла дальняя. Ребята забирались на верхние полки, уступая девочкам нижние. Группы из одного района, с одного завода занимали купе рядом. Но попадались и такие вагоны, где люди видели друг друга в первый раз.

Пол под ногами ходил ходуном. Поезд набирал скорость. Мелькали поселки, встречные поезда, светофоры.

Миша с Таней попали в вагон начальника состава.

— Ну что, колумбы, будем знакомиться! — сказал Миша, входя в переполненное купе. Постоянными пассажирами в нем, кроме Миши с Таней, были Танина подруга Люся и совсем юная, легко смущающаяся девушка. Гости сразу же разошлись по своим местам, чтобы дать возможность хозяевам разместиться.

Незнакомая соседка представилась: «Меня зовут Роза», — и сразу же залилась румянцем.

— Как же это тебя родители одну отпустили?! — засмеялся Миша. — Или сбежала?

— Мне уже восемнадцать, — ответила Роза, еще больше смутившись.

— Не обращайтесь на него внимания, Роза. Он шутит, — сказала Таня и слегка ударила Мишу по руке.

— Мне не до шуток. Я не могу забыть тревожные глаза матери, тепло ее беспокоящих рук, гладивших мое лицо. Мне и сейчас не по себе. Тоскливо и одиноко, несмотря на то, что я знаю: все это нервы...

— А я вот поняла свою мать, — тяжело вздохнув, сказала Люся, — и до сих пор слышу ее слова: «Береги себя, не заболей, дорогая моя девочка!» Вижу ее милое морщинистое лицо в слезах, и мне самой порою хочется плакать.

Роза вздохнула и продолжила:

— И почему она плакала? Ведь я совершеннолетняя! Я уже работала! Мир такой огромный, почему же я должна все время сидеть в одном городе?

— А я вот поняла свою мать... — с тяжелым вздохом сказала Люся.

— Ну что вы расстраиваетесь, девочки? — стал успокаивать своих соседок по купе Миша. — Ведь на то и жизнь, чтобы расставаться и встречаться.

— Нечего их агитировать, — вступила в разговор Таня. — Девчата и сами все отлично понимают. Ты им лучше скажи, чтоб они с первой же станции письма родным отправили.

Гудел, гремел на стыках вагон. Ребята быстро освоились в новом «доме». Уже играли в шахматы, в домино. В одном из купе тихо звучала гитара, и юный голос запевал: «Сердце, тебе не хочется покоя».

У окон толпилась молодежь, шли споры. Слышался смех, кто-то, видно, рассказывал занятную историю.

В тамбуре возле молодой веселой проводницы собрался хор девчат. Они одну за другой пели песни.

— А что, девчонки! — предложила проводница. — Ехать далеко еще. Так почему бы не сколотить нам с вами хор и не выступать в других вагонах и на вокзалах, где долго придется стоять?

Девушки засомневались, притихли. Потом все заговорили, заспорили было и, посоветовавшись, согласились.

...Роза вышла и плотно прикрыла дверь. В купе стало немного тише. Люся задумалась над раскрытой книгой. Таня и Миша сидели возле столика и вместе писали письмо домой, передавая ручку друг другу. Смех, голоса, пение и поминутный стук двери тамбура доносились до них как бы издалека.

В какой-то миг они взглянули друг на друга.

— Как хорошо, что мы поехали, — сказала Таня.

— Какое все-таки счастье, что мы встретились, — тихо произнес в ответ Миша.

— Да, уже год прошел, а до сих пор не верится.

— С тех пор, как я тебя встретил, у меня не было ни одного несчастного дня...

Миша познакомился с Таней на городской танцплощадке. Все было бы обычно и даже банально в этом знакомстве, если бы не одно обстоятельство... Когда эту красивую, хрупкую девушку пригласили на танец, она, доброжелательно и открыто глядя в глаза подошедшему, говорила всегда одни и те же слова:

— Я танцую только с девушками. У меня есть парень.

Никакого парня у Тани не было. Просто сидела в ее натуре такая прихоть: если танцевать, то только с любимым.

Случалось, что подруги упрекали ее в гордости и заносчивости.

— Смотри. Этого тебе никто не простит. И будешь ты в конце концов самой несчастной.

В тот вечер, когда на площадке впервые появился Миша, Таня пришла позже обычного. Миша танцевал с Люсей.

Нет, не зависть шевельнулась в душе Тани. Она могла бы это сказать себе совершенно точно. Просто поднялась какая-то волна внутри, все залила, и мир стал другим.

Таня прислонилась к забору и простояла так до тех пор, пока к ней не подлетела Люся. Она стала говорить обо всем подряд, и у Тани немного отлегло от сердца. Не потому, что Люся ничего не сказала о незнакомце, а потому, что в ее глазах не было ничего необычного, нового, чего бы Тане следовало опасаться больше всего.

— А что это за парень танцевал с тобой? — неожиданно спросила Таня.

— Понравился? Отличный парень. Только скромный очень. Я таких уважаю, конечно, но с ними только на лекции ходить.

— Познакомь меня с ним, — решительно и с какой-то вызывающей прямоотой сказала Таня.

Люся опешила.

— Да я его и не знаю. Просто он подошел и пригласил танцевать...

И все же они познакомились в тот вечер. Парень, так быстро завоевавший воображение Тани, стоял на автобусной остановке. Девушка вскочила в подъехавший автобус и забила в угол. Народ из парка еще не хлынул, и в салоне было свободно.

Миша вошел в автобус вслед за Таней и тут увидел ее. Он сделал какое-то неопределенное движение, как будто хотел выйти. Потом взял у кондуктора билет, быстро прошел вперед по пустому пока еще автобусу и так застыл перед стеклом водителя, стоя спиной к Тане.

Мысли смешались у него в голове... Он всю жизнь мечтал встретить такую девушку. И вот она сидела с ним в одном автобусе.

А вдруг она сойдет на следующей остановке?

Михаил круто повернулся и пошел прямо к Тане.

И тут Таня встретила его своим прямым и не допускающим никаких кривотолков взглядом.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она просто, почти без волнения и показала глазами на место рядом.

...Прошел год, многое забылось, вытесненное новым для обоих ощущением счастья быть рядом друг с другом. Но первая встреча, первый вечер, проведенный вместе, запомнился им до мельчайших подробностей.

Целина для них подоспела вовремя. Михаил после окончания машиностроительного техни-

кума так и остался на своем заводе мастером. Таня провалилась на экзаменах в одном из институтов и пошла на этот же завод работать контролером.

Прошла зима.

И сам собой встал перед ними за этот год счастливой дружбы вопрос: как жить, где приложить свои силы, на что направить мечты? Миша достал где-то справочник-схему железнодорожных путей. По вечерам они с Таней совершали путешествия по всем магистралям в разные концы. Они делали остановки, поселялись в незнакомых местах, ехали дальше. Так была объезжена вся страна.

Когда заговорили о целине, все решилось само собой. И сейчас поезд увозил их все дальше и дальше от дома. А из коридора доносилась знакомая им со времен детства песня:

«Улица Садовая, скамеечка кленовая...»

Начальник эшелона Виктор Самсонов достал изматую пачку «Беломора» и закурил.

Теперь наконец-то можно подумать о предстоящих делах. А их было много. Главное заключалось в том, чтобы уже сейчас нащупать, что могло сплотить коллектив, которому предстояло работать на целине.

Вагон качало. Март лежал за окном начинавшим сереть мокрым снегом. Виктор смотрел на неоглядные дали и думал о людях, которые ехали с ним. Он знал о них немного, но чувствовал, что, несмотря на несхожесть характеров, несмотря на разные судьбы, все здесь — одного племени.

Вспомнил прощание с Леной. Она всегда была против его увлеченности комсомольской работой, а когда он перешел в обком, отношения их стали холоднее. Лена уверяла, что он погубил в себе ученого. При встречах больше молчали и совсем поссорились, когда он сказал ей, что собирается на целину.

Лишь через две недели Виктор поехал в институт. Ничего ни у кого не спрашивая, он шел по коридорам, заглядывая в аудитории.

Лена стояла у окна с каким-то парнем. Парень был красив. Виктор наверняка мог ска-

зать, что видел его раза три на научных конференциях. Конечно, парень не чета ему, однако Виктор даже не подумал об этом.

Он подошел и сказал:

— Я уезжаю.

— Куда? — Лена спросила машинально, но почему-то сразу утратила веселое выражение глаз.

— Ты же знаешь. На целину.

Она взяла его под руку и повела в другой конец коридора.

— Как глупо, что ты не звонил все это время, — сказала Лена. — Может быть, я смогла бы переубедить тебя.

— Это ничего бы не изменило. — Виктор кивнул в сторону парня. — Договори с ним, я подожду.

— Он предлагает идти в аспирантуру. Что делать? Посоветуй.

— Конечно, соглашайся.

По ту сторону громадного окна сел голубь. Падая снег.

— Ты решил? Ты твердо решил ехать?

— Да.

На улице они прошли несколько шагов молча.

— Так ты меня бросаешь? Все бросаешь?

— У меня здесь, кроме тебя, мать и обком комсомола. Мать не против. И в обкоме поняли правильно: лети, говорят, на крыльях романтики. Пока они есть.

— Ты летишь. А я...

— Твои просторы — наука...

— Ты меня любишь?

Это был самый трудный вопрос. Голова словно окутана туманом. А говорить, что любит, не стоило.

— Не знаю, Лена.

— Я глупо, конечно, спросила. Но ведь ты уезжаешь. А с уезжающими нельзя отправлять вопросов. Надо все выяснять. Хотя... Может, это просто женское любопытство. Я не люблю тебя, Виктор.

Она сказала «не люблю» так, будто сказала «люблю». Но она сказала «не люблю». Виктор вздрогнул и промолчал.

Они шли по знакомой улице.

Как порывы ветра, пронеслись в душе обрывки настроений, чувств. Это была сладкая тоска отъезда.

— Ты уезжаешь, а мы молчим.

— Я все время говорю с тобой.

— Молча?

— Это труднее всего.

— Мы не будем ничего объяснять друг другу и не будем давать друг другу обещаний. — Лена остановилась. — А остальное... Я кончу учиться и приеду к тебе.

Ничего не видя, Виктор протянул руки к Лене и, плохо соображая, стал ее целовать. Лена не шевелилась.

— До завтра, — наконец прошептала она, вырвалась и убежала.

...А в это время в вагоне продолжал плести свои затейливые узоры непринужденный дорожный разговор.

— Мы недавно студентов в комсомол принимали, — рассказывал высокий парень, — ничего, образованный народ. Задали одной девушке вопрос: что такое доктрина Эйзенхауэра. Она, что вы думаете, ответила?! Доктрина — это его дочь...

Шутка сменялась шуткой, и неизвестно, когда бы все это кончилось, если бы Виктор не пригласил их к серьезному разговору.

Внутренне каждый был готов к нему.

Предложений о том, как строить работу в эшелоне, хватало. Вплоть до самых фантастических.

— Эшелон должен быть поющим. Каждый раз, подъезжая к станции, по сигналу радиозула мы должны петь одну и ту же песню. Представляете, какое это впечатление произведет?! Как эшелон весь сплотит!

— А когда выйдем на перрон, будем танцевать все один и тот же танец! — не скрывая насмешки, сказал Миша.

После долгих споров решили приступить к организации бригад, учитывая, что на месте они могут быть переформированы.

Находились и скептики:

— Да... Провожали нас с оркестром. Не знаю, как встречать будут...

— Кто на целине может встретить? Пурга да мороз под пятьдесят! — отшутился кто-то.
— Мы понимаем, что нам может прийти нелегко, — сказал болезненного вида юноша. — Но ведь трудности трудностям рознь. Одно дело то, что не зависит от людей, — метель, мороз... Другое дело, когда трудности создаются из-за бюрократизма, нерасторопности.

— Совершенно верно, — улыбнулся Виктор, — но, если говорить серьезно, то бюрократизм — тоже трудность. Для пользы дела чаще важнее проявить стойкость в борьбе с бюрократами, чем, скажем, в борьбе со снежными заносами. Я условно говорю, конечно.

— Почему важнее?

— А потому, что снег в конце концов растает, а бюрократ — нет.

В вагоне рассмеялись.

— А все-таки как нас ждут? — вернулся кто-то к началу разговора.

— Ждут, наверняка ждут. Там дел по горло. И люди очень нужны. Большинству, правда, придется овладевать новыми профессиями. Но это даже интереснее.

— Что нас ждет? Какая судьба? — задумчиво проговорила курносая девушка, старшая одного из вагонов.

— Пока наша судьба в руках начальника эшелона. Он как бы начальник нашей судьбы, — донеслось с одной из верхних полок.

Виктор заставил себя не обращать внимания на иронию. Хотя она, кажется, дошла не до всех.

Кто-то искренне поддержал:

— А что? Хорошо звучит — начальник судьбы...

Разговор на этом закончился, хотя ироническое прозвище за Виктором, кажется, осталось.

Постепенно все разошлись, только Виктор и Михаил остались в купе.

— Я тут не хотел говорить при всех... — Михаил запнулся. — По-разному люди относятся к добровольцам. Официально, конечно, хорошо. Да и на душе у меня все ясно. А вот на заводе некоторые рассудили по-иному. Одни, говорят, за деньгами едут, а ты — за медалью. И честолюбием назвали... Чуть, конечно. Но неприятно. Скажи мне, наши выдающиеся люди — они честолюбивы?

— Смотря что вкладывать в это понятие. — Виктор с интересом посмотрел на Михаила. Еще при формировании эшелона ему сказали, что на этого парня можно положиться. Но он не думал тогда, что Михаила могут волновать подобные проблемы. — Если ты думаешь только о своих интересах, ведешь жизнь на сухом расчете, без душевной доброты — значит, ты честолюбец и карьерист. Но можно и по-другому жить. Честно, человечно. И тогда успех придет к тебе обязательно.

А вообще-то слово «честолюбие», если разобраться, не такое уж плохое. Оно состоит из двух слов — честь и любовь. Любовь к чести. Им пользовались и декабристы, и царедворцы, и великие поэты, и проходимцы. Благодаря последним, как мне кажется, это слово стало ругательным.

А я бы любовь к чести не сбрасывал со счета. Вот ты начинаешь жить. Учишься, работаешь, влюбляешься, заводишь друзей. Тут и стала проявляться твоя любовь к чести и складываться потом судьба. Начали люди говорить о тебе хорошо или плохо. Да и сам ты стал оценивать себя по своим поступкам. Короче, любовь к чести — это видимая сторона твоей совести...

— Да нет, я-то себя не чувствую виноватым! У меня совесть чиста. На целину-то еду ради своей мечты. На кой мне карьера?!

— Что ты, Миша! Я тебя не обвиняю. Если ты делаешь какое-нибудь большое дело, всего себя отдавая для пользы других, и добиваешься в нем успеха и тебя замечают и доверяют еще большее дело, — разве это карьеризм?! Если же успех сам по себе, а правда сама по себе, тогда это карьеризм. В этом случае чем активнее человек, тем он опаснее для всех нас...

Наконец Виктор остался один и прилег отдохнуть. Он очень устал. Впечатления наплывали друг на друга, мешали уснуть. Но в купе было тепло и уютно, вагон покачивало, и вскоре все спуталось в сознании Виктора.

ОТВЕЧАЕМ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫМ

На днях услышала по радио фразу, что плазма, оказывается, известна людям уже сто лет. Как же так? Ведь о плазме сейчас говорят как о достижении современной науки?

Пожалуйста, расскажите об этом на страницах вашего журнала!
С уважением

Л. Е. ЛЕВЯТИНА, инженер, теперь на пенсии.

ПРОФЕССИИ ЛУЧИСТОЙ МАТЕРИИ

Ирина РАДУНСКАЯ

Это произошло ровно сто лет назад. Ученые, прибывшие в английский город Шеффилд, без особого интереса собирались на доклад Уильяма Крукса, объявленный под названием «Лучистая материя или четвертое агрегатное состояние».

Будущий президент Лондонского королевского общества Крукс уже тогда был хорошо известен химикам и физикам. Еще в 1861 году он при помощи спектрального анализа открыл новый химический элемент — тяжелый голубовато-серый металл. Его назвали таллий. Это поэтическое название происходит от греческого «таллос», что значит молодая зеленая ветка. На аналогично наведена яркая зеленая линия в спектре нового элемента.

И вот сейчас Крукс преподнес научному миру новую сенсацию — лучистую материю...

Началось с того, что ученый наблюдал за свечением, возникающим при прохождении электрического тока через разреженные газы. Добившись лучшего разрежения газов, чем его предшественники, Крукс увидел, что свечение газа прекратилось, но при этом ярко засветились стенки стеклянной трубки, в которой он вел эксперимент.

Чтобы понять, почему же стенки трубки начали светиться, Крукс проводит серию опытов. И делает такой вывод: внутри трубки под действием электрического тока возникают особые лучи. Они не способны оглядеть препятствия. Крукс убедился в этом, поставив на пути лучей предмет в виде креста — тень креста обозначилась на светящейся стенке трубки. В курсах по физике и теперь можно встретить описание этого эксперимента под названием «крест Крукса».

Ученый наблюдал и такой эффект: лучи крутили лопасти маленькой вертушки подобно тому, как ветер вращает крылья мельницы. (Этот опыт так и называется «мельница Крукса».)

Крукс заметил и то, что лучи материи отклоняются от прямолинейного пути, если на них воздействовать магнитом. Они не только заставляют фосфоресцировать стенки трубки, но и нагревают ее.

Обо всем этом он и спешил рассказать коллегам, собравшимся в Шеффилде.

Удивительные явления, наблюдавшиеся в разреженных газах, побудили Крукса предположить возможность существования в природе четвертого состояния вещества — в отличие от твердого, жидкого и газообразного, известных людям с глубокой древности. Он писал: «Явления в этих разреженных газах открывают перед физикой новый мир — мир, в котором материя существует в четвертом состоянии».

«Я беру на себя смелость предположить, что главные проблемы будущего найдут свое решение именно в этой области и даже за нею», — утверждал ученый.

Но, интуитивно поняв кардинальный путь развития физики, Крукс останавливается в полном пессимизме перед вратами открытого им мира, «мира, в который мы никогда не будем в состоянии войти и по отношению к которому мы должны удовлетвориться наблюдениями и опытами со стороны», — печально заключает он.

Логика науки неумолима. Несмотря на неверие самого Крукса в возможность использования этой материи для практических целей и нужд человечества, он привел в действие единственный вечный двигатель, существующий в природе: любознательность человека, стремление к истине, к познанию...

Теперь, когда говорят о четвертом состоянии вещества, имеют в виду плазму. Плазма — ионизированный, но не обязательно разреженный газ. Свойства плазмы так сильно отличаются от свойств обычных газов, что возведение ее в ранг четвертого состояния вещества представляется вполне оправданным.

Электроны и ионы в опыте Крукса были первой модификацией плазмы. В природе же плазма встречается во многих модификациях. Очень разреженная и холодная плазма заполняет большую часть космического пространства. Вопреки прогнозам Крукса, космонавты изучают свойства плазмы, летая сквозь нее.

Хорошо изучены современными учеными и верхние слои атмосферы Земли, Венеры и других больших планет — они тоже представляют собой плазму.

Известны современной науке и образцы раскаленной плазмы: это не что иное, как Солнце и большинство звезд. Они представляют собой огромные скопления разогретой до чудовищной температуры плазмы. На поверхности это тысячи, в центральных областях — десятки и сотни миллионов градусов. Одновременно с ростом температуры в глубинах звезд растет и давление. В их недрах протекают термоядерные реакции, основной источник выделяемой ими энергии. К тайне этих реакций приковано внимание всех исследователей, поставивших своей целью создать на Земле источники энергии, подобные щедрому Солнцу. Управляемая термоядерная реакция — это надежда сегодняшней энергетики. Именно в созданной человеком, подвластной его контролю термоядерной плазме будет происходить термоядерная реакция, призванная положить конец угрозе энергетического кризиса. В современных магнитных ловушках — советских «Токамаках», в лазерных термоядерных установках ученые видят черты будущих промышленных электростанций. Покорение термоядерной плазмы означает начало нового этапа цивилизации.

Крукс поразили бы, узнав, как разнообразны в XX веке технические применения его лучистой материи, которой сто лет назад он не нашел места в практике. Сегодня плазма светится в неоновых и других разноцветных рекламных трубках, наполненных различными газами. Плазма возбуждает свечение люминесцентных ламп. Плазменные резак работают более эффективно, чем обычные газовые горелки. Новая плазменная технология позволяет получать чистые тугоплавкие металлы, производить новые химические вещества. Плазменные двигатели применяются для коррекции положения и траектории искусственных спутников Земли и космических объектов. Они же донесут космические лаборатории к звездам.

Николай РАДУЛ,
заместитель
директора Института
кибернетики АН УССР

Появление четырнадцатилетнего Вадима Волошина в нашем партизанском отряде не было неожиданностью. В ноябре — декабре 1944 года, когда мы базировались на Кленовицких Верхах, не было дня, чтобы не приходили к нам в отряд новые добровольцы.

Признаюсь, в то время молодость нового бойца меня совсем не удивляла. Ведь и мне в 44-м едва исполнилось двадцать лет и я был самым молодым командиром бригады партизанских отрядов в Словакии.

Родом Вадим с Украины, из Кривого Рога. Воевал в бригаде Виктора Карасева, в ночном бою отбился, блуждал по лесам, местные жители помогли разыскать наш отряд. Это если говорить коротко. На самом деле туго пришлось пареньку. Каторжный труд вместе с другими подростками, почти детьми в организованной фашистами сельскохозяйственной общине на оккупированной Украине, работа под плеткой и автоматами полицейских по ремонту дорог, наконец, угон с родных мест на Запад.

Летом 1944 года конный обоз отступающих гитлеровцев, перейдя карпатские перевалы, вошел в город Бардеёв. Здесь ходили упорные слухи о действиях партизан, причем якобы русских партизан, и Вадим решил исполнить свою мечту: бежать. Он ушел темной ночью, прихватив с немецкой повозки ручной пулемет.

Почти целый день Вадим шел, и случилось так, что именно в этих местах действовала бригада имени Александра Невского под командованием Виктора Карасева, пришедшая из Польши. Там ему удалось разыскать своих: после беседы Вадима приняли в отряд и определили пулеметчиком.

Как и многие партизанские отряды, бригада имени Александра Невского прорывалась из вражеского кольца в труднодоступные районы Низких Татр из Словенского рудогорья. Бойцам оставался единственный выход — идти на прорыв. Вадим огнем из пулемета прикрывал их. Стрелял до тех пор, пока в диске не осталось ни одного патрона.

Спасаясь от фашистов, он всю ночь шел по каким-то лесным тропам, спускаясь и поднимаясь по горам, надеясь все-таки разыскать своих товарищей. Идти уже не было сил, он замерзал...

Пришел в сознание от ужасной боли в ногах. Он лежал на деревянной кровати в крестьянской избе. Первое, что увидел, было доброе лицо склонившейся над ним женщины-словачки. Она с

мужем энергично растирала шерстяными тряпками его ноги, грудь, руки. Спасен! И он заплакал от нахлынувшего чувства благодарности к своим спасителям.

Заметив это, женщина ласково и успокаивающе заговорила: «Не бойся, парень. Мы тебя швабам не выдадим».

Как выяснилось, спас Вадима житель деревни Белые Воды Матуш Паучо, который случайно обнаружил замерзающего паренька на окраине леса, вблизи своего дома.

Укрывать партизана в доме было делом опасным, каждую минуту могли нагрянуть каратели, обнаружить и уничтожить не только его, но и спасителей. Поэтому Матуш Паучо и его жена Розалия оборудовали для Вадима укрытие в сарае рядом с курятником. Дали старую шубу, чтобы обмотать ноги, замаскировали сеном, и в таком положении он просидел на сеновале неделю.

Однажды в конце дня во дворе неожиданно появились гитлеровцы. Послышалась немецкая речь и в сарае. Затрещала короткая автоматная очередь, закудахтались подстреленные куры. Каратели, весело гогоча, подобрали «трофеи» и пошли в дом, чтобы хо-

гости в Киев из Мелитополя, оставшись у своего боевого друга, нашего партизанского радиста Михаила Потапова.

Как же сложилась дальнейшая судьба Вадима?

Он остался в армии. Походным маршем проследовал через всю Словакию. По-прежнему был пулеметчиком. Ходил в атаке, освобождал от гитлеровцев города и села Польши, а затем вступил на территорию Германии. Старшие командиры отмечали Вадима как смелого и храброго солдата, поэтому и назначили его командиром отделения, присвоили звание старшего сержанта. И это в то время, когда ему шел только шестнадцатый год.

При выполнении ответственного задания Вадим получил тяжелую контузию и был ранен осколком.

В июне 1945 года в расположении батальона, где долечивался Волошин, прибыл капитан, сотрудник особого отдела «Смерш». Бойцы батальона по его просьбе были построены на площади перед казармой. Командир батальона подал команду: «Выйти из строя тем, кто воевал в партизанских отрядах, бывшим охотникам или лесорубам, до войны работавшим на лесозаготовках». Таких в батальоне набралось человек сорок — пятьдесят. Вышел вперед и Вадим. Он догадывался, что предстоит какое-то особое задание. А раз задание, требующее для выполнения людей особой категории, он не мог оставаться в стороне, хотя рана на руке, из которой вынули осколок

ли обеспечить уничтожение банды. Подгоняемые выстрелами, раздававшимися за их спиной в лесу, бандиты бросились через поляну бегом.

Вадим, чтобы отрезать путь бандитам к отступлению, с тремя солдатами пополз во влажном душем разнотравье, еще не успевшем высохнуть от утренних лучей июньского солнца. Из давно не кошенной травы высочили прямо на него три бандита. Раздумывать, где удобнее выбрать позицию, было некогда. Единственное, что успел сделать, — это стать на колени и открыть прицельный огонь.

Два бандита повалились на землю, а третий, длинный и нескладный, с карабином в руке, высоко подбрасывая ноги в густой траве, прыжками приближался к Вадиму, словно пули его не брали и он был неуязвим. Последние выстрелы — и патроны в диске закончились. Автомат умоли. Менять диск не было смысла. Оставались секунды до сближения.

Вадим выхватил штурмовой нож и бросился навстречу врагу. Впервые он вступил врукопашную...

Оставшиеся в живых и окруженные со всех сторон бандиты сдались.

...В начале 1946 года Волошина демобилизовали из рядов Красной Армии как несовершеннолетнего. Он приехал на Украину, в Кривой Рог, поступил учиться в речное училище, успешно его окончил.

ВАДИМ ИЗ КРИВОГО РОГА

зайка приготовила им ужин. Как только каратели скрылись, Матуш и Розалия побежали в сарай. Убедившись, что Вадим жив и невредим, облегченно вздохнули. Но он больше не хотел подвергать смертельной опасности своих спасителей. Несмотря на боль в ногах, решил уходить в лес на поиски партизан.

На прощание Розалия собрала в вещевой мешок Вадима хлеб, сало, спички. Матуш вывел Вадима в лес и, объяснив, как пройти к месту, называемому «Три явра», распрощался. В этом труднодоступном для врагов районе, по мнению Матуша, могли укрываться партизаны.

Лишь через пять дней добрался таки он к месту, указанному Матушем Паучо. Здесь и наткнулись на Вадима наши партизаны...

Все это рассказал мне и нашему комиссару Петру Баркенову паренек из Кривого Рога Вадим Волошин в тот далекий декабрь 1944 года, когда пришел он к нам в партизанский отряд, чтобы воевать с нами и дальше.

В то время нам пришлось сражаться со знаменитой фашистской 208-й горнострелковой дивизией «Эдельвейс». И каким молодцом, каким бесстрашным опытным пулеметчиком не раз показывал себя Вадим в горах Словакии!

Расстались мы в селе Кленовце, месте расформирования нашего партизанского соединения в 44-м. Я думал, что Вадима как несовершеннолетнего отправят домой. Но сложилось иначе...

Вновь встретились мы, бывшие партизаны-десантники, с Вадимом совсем недавно. Вадим приехал в

гранаты, едва-едва затянулась да и контузия еще не совсем прошла. Отобранную капитаном группу солдат вооружили, посадили на автомашины и повезли за город. Оказывается, здесь появилась банда украинских националистов-бандеровцев.

Часть бойцов доставили на противоположную сторону лесного массива, им надлежало играть роль «загонщиков», то есть прочесывать лес, загонять бандитов на заранее выставленные засады, располагавшиеся по бокам лесного массива. Другую основную часть группы капитан оставил при себе.

Бандиты не заставили долго ждать. Выстав вперед лазутчиков и узнав, что путь свободен, они высыпали из оврага на поляну, одетые кто в немецкий мундир, а кто просто в крестьянские свитки. Вадим насчитал среди бандитов четверых, которые несли на плечах ручные пулеметы. Это не предвещало легкой победы. Только выдержка и внезапность удара мог-

Спустя три года, как достигший призывного возраста, вновь оказался в рядах Советской Армии, служил на Дальнем Востоке.

Долгое время работал старшим преподавателем в Мелитопольском ДОСААФе. Давно обзавелся семьей, стал дедом.

При нашей встрече он рассказал мне, что своих спасителей, рисковавших ради неизвестного подростка жизнью, Матуша и Розалию Паучо разыскал спустя двадцать три года. Они жили в том же доме, где когда-то он нашел приют и спасение. Живут они там и поныне, в деревне Белые Воды, округа Гринёва; постарели друзья, но по-прежнему они добры, приветливы и рады советскому человеку, боровшемуся за свободу.

Таким Вадим Волошин закончил войну.

Командир партизанской бригады в горах Словакии Николай Радул. Фото 1944 года.

Н. ХРАБРОВА
Фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Сегодня я видела море во сне,
И мир удивительным кажется мне.
Хожу и пою, молчу и пою,
И солнечных зайчиков в дождик ловлю.

А море такое — всё синь-синева,
А море — как сказки любимого слова,
И синее море на солнце горит,
И синие звезды прибой нам дарит.

Это стихотворение тринадцатилетней девочки из Куйбышева я прочла в сборнике детского литературного творчества. Там же опубликованы стихи четырнадцатилетнего мальчика из Ливана, его зовут Дима Абдул Самад.

Юноша умер.
Мать,
увидев его красную кровь,
Начертила кинжал*
сверху на тротуаре.
Увидела в его глазах слезу,
Но не услышит его слов —
все будет тайной,
Только свист бомб
над тишиной убежищ и домов.

Рано взрослеют поэты.

Как в капелке росы, в этих стихах отражены два мира: светлый и человечный Олин, и страшный — Димы Абдул Самада. Поэт становится поэтом не в тот день, когда он научился рифмовать слова, но в тот день, когда его голос становится голосом народа.

Более четырех миллиардов человек живут на нашей планете, из них 1 миллиард 600 миллионов детей. Почти половина сегодняшнего населения Земли через два десятилетия, в пору своей творческой зрелости, шагнет в двадцать первое столетие.

Великая ответственность досталась нам: сберечь мир, добытый ценой двадцати миллионов жизней. Сберечь для наших детей.

«Годом ребенка должен стать каждый год нашей жизни!» — это слова из приветствия Л. И. Брежнева Всемирной конференции «За мирное и счастливое будущее для всех детей». Для нашей страны это не только мудрое и доброе пожелание — за ним конкретная забота социалистического государства о юных гражданах.

Пусть во всем мире каждый год станет Годом ребенка! И тогда 600 миллионов детей нашей планеты не будут жить в нищете. 100 миллионов из тех, кто сейчас не умеет писать, пойдут в школы.

Если каждый год в жизни людей всего мира станет Годом ребенка, не будет такой позорной статистики: ежегодно, например, в ФРГ около шести тысяч детей в возрасте до трех лет попадают в больницы в результате родительских побоев. В «старой доброй» Англии, где в школах существуют физические наказания, ежедневно двое детей умирают от домашних побоев. А многие остаются калеками по той же причине. В богатой Америке ежегодно 50 тысяч младенцев не доживают до трех месяцев в результате нищеты. Дети, как сказала президент Международной демократической федерации женщин Фрида Браун, — первые и самые несчастные жертвы алкоголизма, наркомании, порнографии. Генеральный секретарь ООН привел в своем докладе такие сведения: тайландские предприниматели покупают маленьких рабов — цена каждого 80 долларов — и заставляют их работать за одну только еду по 15 часов в сутки. В Колумбии работают 3 миллиона детей школьного возраста. А газета «Монд», отнюдь не балующая своих читателей объективной информацией о жизни социалистических стран, признала: «Характерно, что все упомянутые в докладе страны, эксплуатирующие детский труд, относятся к «свободному миру».

В этом году ребят из многих стран принял Артек — наш главный пионерский лагерь. Ког-

* На географической карте Палестина напоминает кинжал.

да-то и я была там пионервожатой. Мир Артека, мир, в котором каждое утро дарит маленькому человеку неизведанные радости. Нынче в августе прозвенел в Артеке праздник под девизом «За счастливое детство в мирном мире!». Гостем Артека был в тот день Л. И. Брежнев. Дети из 73 стран слышали его слова: «Уважать человека, видеть в нем равного себе, на каком бы языке он ни говорил, какого бы цвета кожи ни был... Мужественно преодолевать трудности, от которых не избавлено ни одно поколение».

Разъехались дети, увезли в памяти добрые слова, чувство дружбы, адреса новых друзей, засушенные крымские цветы и черноморские камушки. И еще увезли представление о том, каким может быть мир без классовых противоречий и расовых предрассудков, мир дружеского и творчества. Пусть дойдет доброе эхо Артека до всех, кому жить в двадцать первом столетии.

Август этого года принес тысяче ребят из всех стран мира радость встретиться на Международной ассамблее детей в Софии.

О жизни восьмидесяти стран рассказали маленькие гости Софии, рассказали языком музыки, рисунка, стиха.

У меня на столе — три яркие книжки с одинаковыми обложками: под большим желтым солнцем на зеленой земле большеглазые ребятки с черной, красноватой, смуглой и светло-розовой кожей. Таким представляет наш мир польская девочка Моника Адамчик.

Но именно в одной из этих книг я прочла стихотворение ливанского мальчика, процитированное в начале. Оно кончается словами: «...Мама, у меня есть еще время жить и чувствовать твою ласку, желать и страдать, но искать и жить. Мама, скажи правду — мне жить ли?»

В книжке с детскими рисунками, полной самых чистых и ярких красок, мечты о космических полетах и о дружбе, я увидела рисунок японского мальчика Акиро Иото: над городом и горами в инвалидной коляске летит перебинтованный человек, летит вверх, в ярко-синее небо. Подальше от Хиросимы и Нагасаки... А двенадцатилетний португалец Витор Мануэль Фигальо черной краской перечеркнул вооруженных людей в зеленых маскировочных комбинезонах.

Искусство детей утверждает мир — вот что убедительно показала встреча в Софии под девизом «Единство, творчество, красота». Дети жаждут победы добра. С победы добра и начинается единство и творчество, красота и гармония.

Дети чувствуют: взрослые разных стран ищут взаимопонимания, они хотят мирно существовать. Самим детям ведь так свойственно общение, совместные игры, коллективные занятия, дружба.

Но вот что еще происходит на нашей зеленой земле.

«Однажды я играла с подружками в бабушкином саду, — пишет в литературном сборнике двенадцатилетняя Маджа Абдель Амир Мухана, — и вдруг раздался вой снарядов...» Дальше она рассказывает, как дети оказались в руках захватчиков и убиты, остались без родных, без еды и без крова, как бежали от войны. А захватчики по сей день занимают Ал Хиама — ливанское селение, где жила Маджа с подружками. «Жителей Ал Хиама выгнали всех, — пишет девочка. — Мы подрастем и сделаем все, чтобы вернуть Ал Хиама».

Мы знаем, агрессоры не остановишь голой рукой, отнятый дом не вернешь словами. И рано, слишком рано дети становятся солдатами.

Самыми популярными гостями ассамблеи в Софии были никарагуанские мальчики-партизаны. Теперь, когда Никарагуа отсчитывает победу революции уже месяцами, я снова вспоминаю разговор с ними.

— Ребята здесь такие образованные, они многое знают, многое умеют. А мы научились только воевать, — говорил мальчик, о котором ходила слава опытного разведчика, с боевыми наградами. Он не рассказывал ни о боях, ни о наградах, он говорил только: — Мне было двенадцать лет, когда мой двенадцатилетний брат ушел в партизанскую армию фронта национального освобождения имени Сандино и взял меня с собой в горы. Брат погиб у меня на глазах. Мне достался его

автомат. Нет, он не был для меня тяжелым, я привык к нему.

— Сколько же тебе лет?

— В ноябре будет четырнадцать.

— Как тебя зовут?

— Мое партизанское имя — Франческо Савалам Монте. Так и пишите, я уже не расстаюсь с этим именем.

Франческо невысок, хрупок, у него интеллигентное лицо, и весь облик его говорит о том, что природой он создан для мирной жизни и ее радостей — для музыки, искусства, книг.

— Кем бы ты хотел стать?

— Врачом. Хирургом. У нас в Никарагуа мало врачей. Учителей и инженеров тоже мало. Но я в горах научился перевязывать раны.

Рассказывает Маркос Сандино Тапия:

— Моя семья была бедной, я до десяти лет не знал, что такое обувь. И не только я, мои друзья тоже. Но дело, конечно, не в обуви. Народ Никарагуа больше всего нуждался в справедливости. Когда стал формироваться фронт Сандино, я ушел к ним. Сначала был курьером, потом научился стрелять. Стал рядовым солдатом.

Маркос советуется о чем-то с мексиканской девочкой Глорией Гутьерес по-португальски, Глория уточняет по-английски с переводчиком, болгарским комсомольцем Николаем Ивановым, и посерьезневший Николай говорит:

— Маркос просит сказать вам точно: рядовым, но не простым солдатом — солдатом свободы. И еще ребята рассказывают про Маркоса — на ночь он все еще передодевается в партизанскую форму и, как бы ни лег спать, во сне неизменно оказывается в одном и том же положении, которое у военных называется стрелять из положения лежа...

Роберто Падил Флорес жил в Масеа — небольшом городке неподалеку от Манагуа. Он чуть старше Маркоса и Франческо, ему уже четырнадцать лет, его семья, он сам и приятели-подростки зарабатывали на жизнь тем, что делали сомбреро. В прошлом году 55 мальчишек из Масеа, и вместе с ними Роберто, ушли в партизаны. Вместо сомбреро они научились делать бомбы. Большинство из этих мальчишек погибли в боях.

— А я уцелел, — говорит Роберто, — только однажды кепку прострелило да пулей вырвало клок волос. Мои друзья, как и я, любили книги, песни и бейсбол.

Этих мальчишек, как и наших — тех, кто убежал на фронт во время войны, не забыть.

И все же ассамблея сумела вернуть никарагуанским партизанам десять дней детства: они пели и танцевали вместе со своими ровесниками, играли, катались на детском трамвае «Сказка», веселились на карнавале. Едва расставшись с оружием, они кинулись коллекционировать значки. Страшно обрадовались нашему олимпийскому медвежонку. Потом серьезно, как награду, вручили нам значки с портретом Сандино.

Дети Лаоса, Вьетнама, Гвинеи, Афганистана... Маленькие посланцы юной свободы, они повзрослому дорожат ею. Наверное, поэтому их сверстники из тех стран, что живут без войны, рвались подружиться с ними, обменяться адресами. И потому в августе в социалистической Болгарии в разговорах детей слово «мир» повторялось чаще других — на русском и английском, болгарском, чешском, венгерском и польском, на французском и пушту.

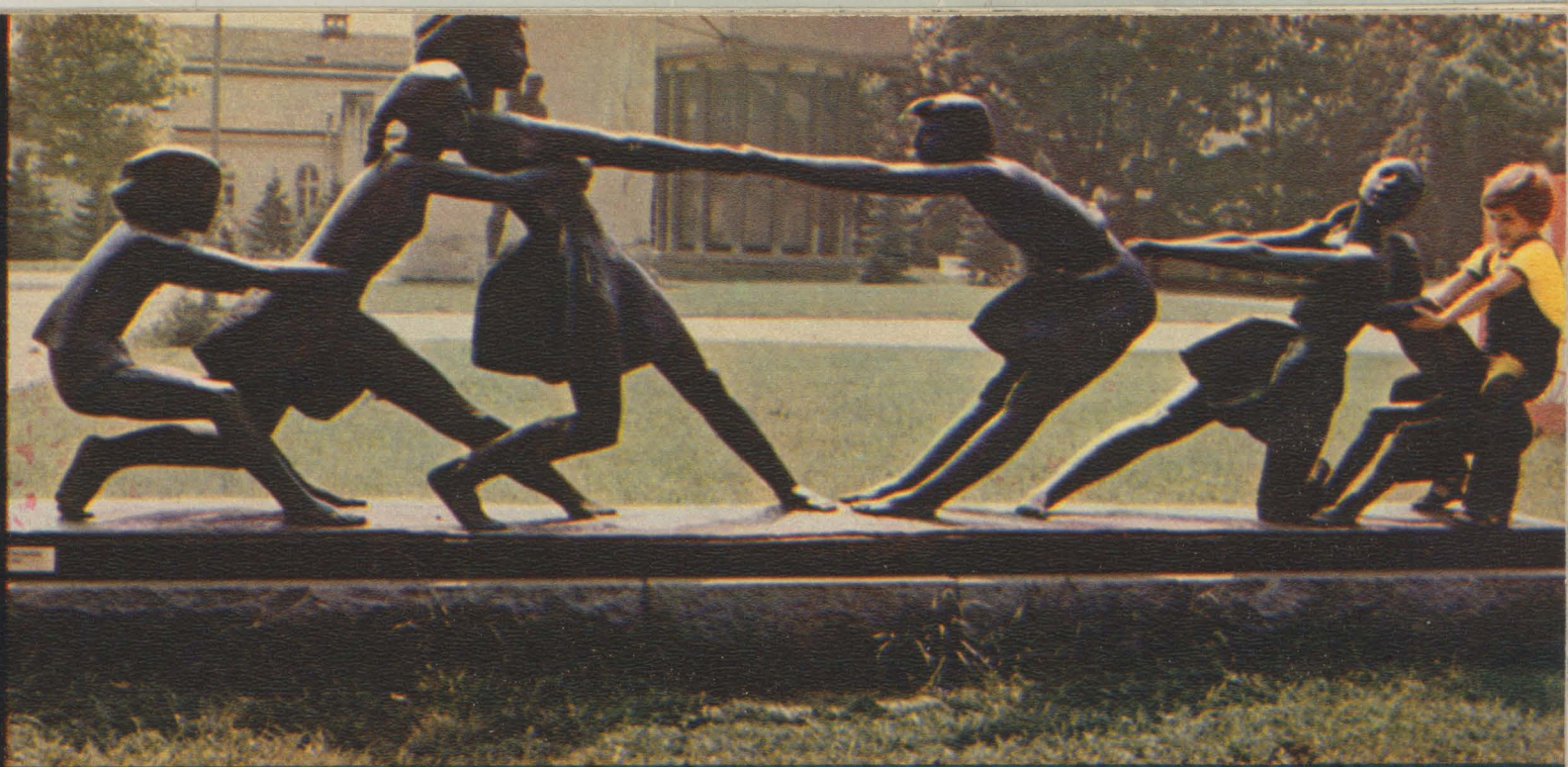
Пусть победит мир. И тогда мама скажет ливанскому мальчику: «Ты обязательно будешь жить!»

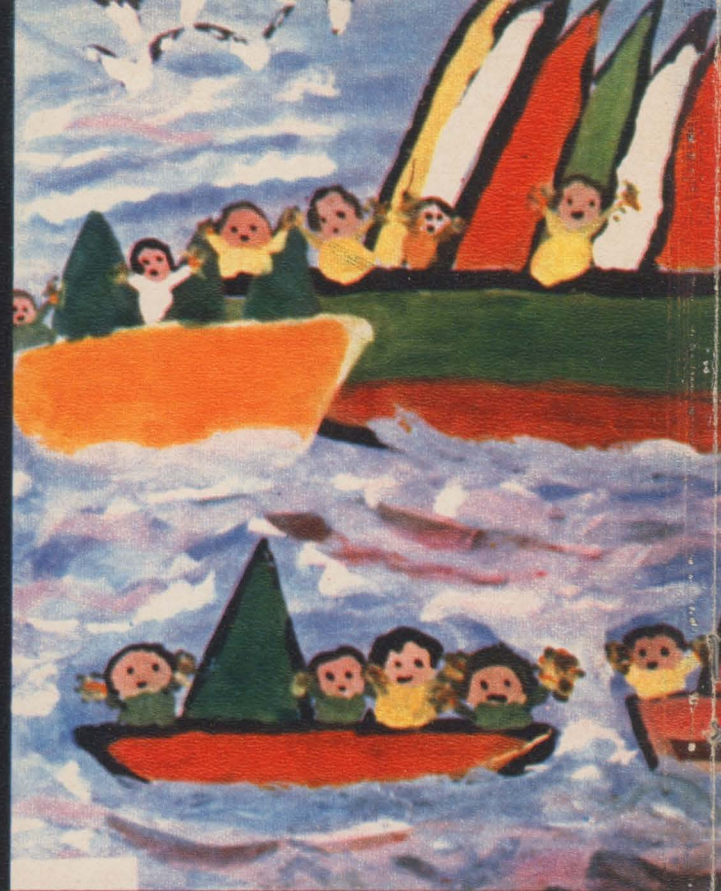
— Буду с теми, кто слабее, — сказала шестилетний Мартин Тодоров. * Плакат о детях и для детей всех континентов. * И голоса колоколов — за мир.

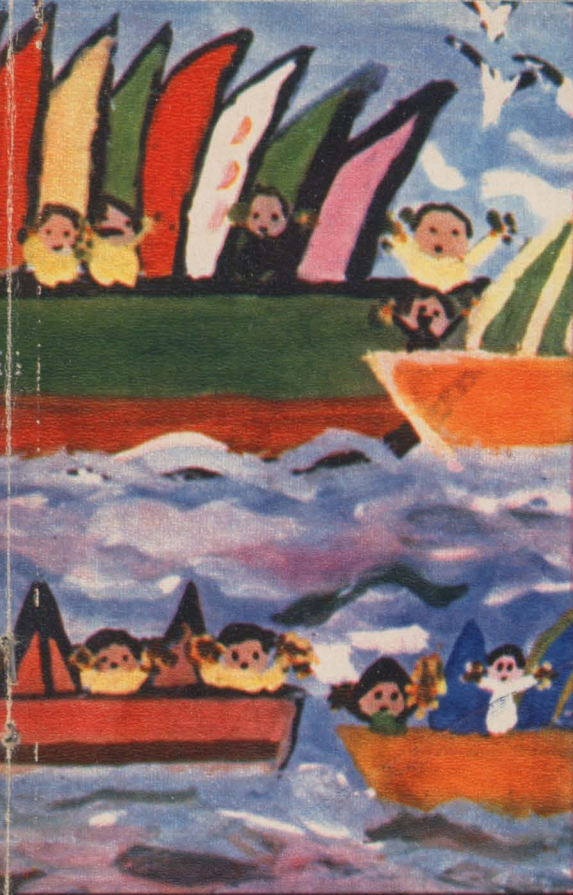
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Так просто понимать друг друга... * Джойс Касембе, из Танзании, и ее приятели. * О мире поют японские ребята. * Герой детской оперы из Перу.

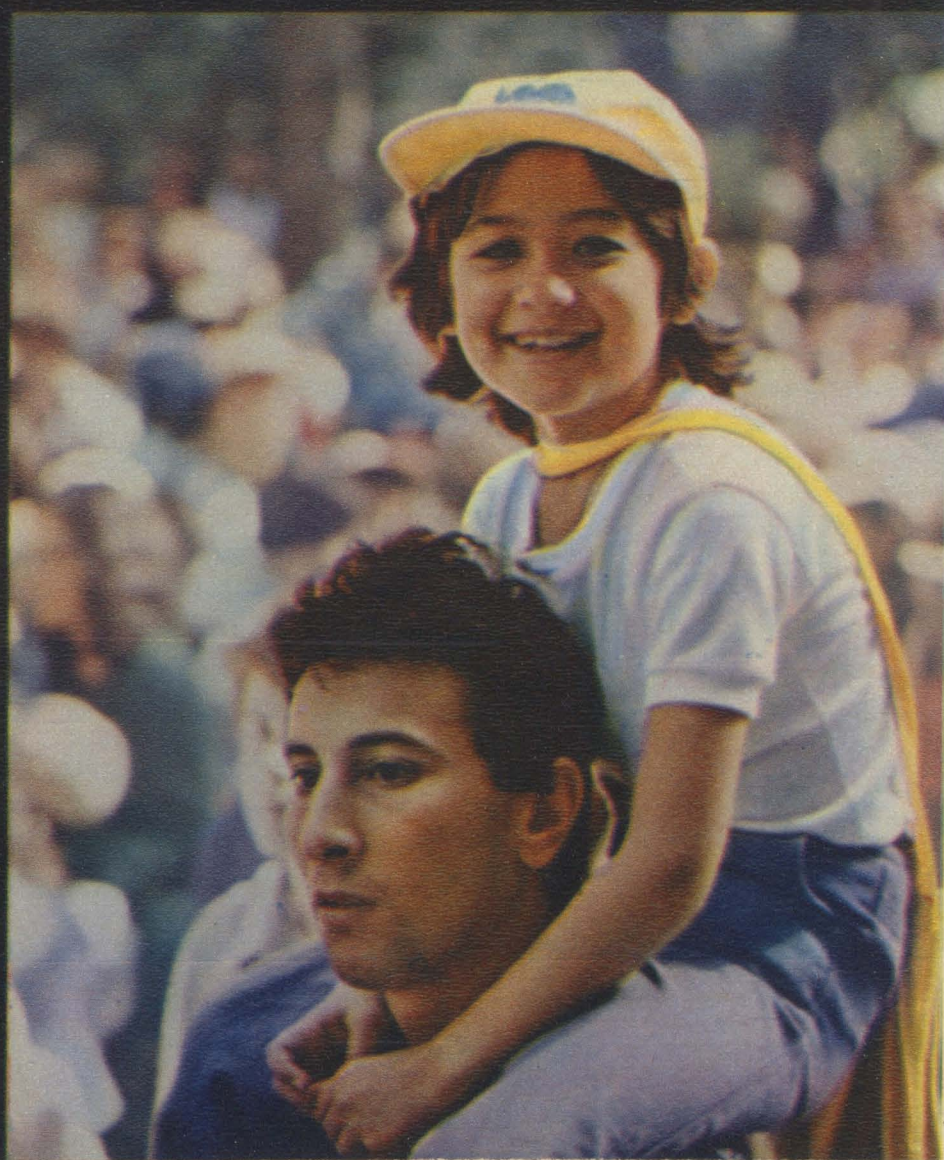
Песни Ирака в исполнении четырнадцатилетнего Мукама Солтана. * Чтобы Бежан Пулоди видел весь праздник...

В СТРАНЕ ДЕТСТВА

ЖДУ РАДОСТНЫХ ВЕСТЕЙ...

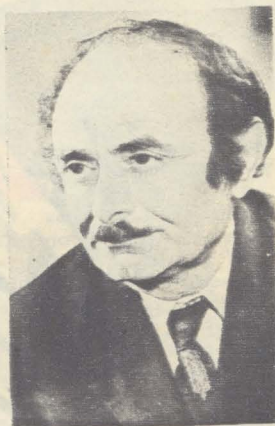
Ибрагим КЭБИРЛИ

ЖДУ РАДОСТНЫХ ВЕСТЕЙ...

От колосьев наклоненных,
От полей — в лучах каленых
И от белых кораблей
Среди света, среди звона
Жду я радостных вестей.
От лесов густых, зеленых,
От речушек перезвонных,
От летящих журавлей
Среди зыбей полуденных
Жду я радостных вестей.
От лесов, вершин, степей
И от угольных забоев,
Что прославил труд героев
Полных золотом полей
Жду я радостных вестей.
Все сильнее, все светлей
Сердцем счастье принимая,
От богатств родного края,
От любимых мной людей
Жду я радостных вестей.
Жажду радости сердечной
И любви не быстройтечной,
Светлым дням распахнут весь,
Жду я, жду, что каждый встречный
Скажет радостную весть!
Сердцем вглядываюсь в близь,
В даль,
От всех я жду ответа.
Прилетит быстрее птиц
Весть, что радостью согрета,
С улыбающихся лиц.
Стих отдав во власть порыва,
Я живу нетерпеливо —
В нетерпенье правда есть.
Жду нежданного дива,
Жду я радостную весть.
Душу взврг свою в тревоги,
Окликаю я дороги,
Все дороги,
Все, как есть,
Все пути! Так что ж в итоге? —
Жду я радостную весть.
День прохладный, день летучий,
Солнце, листьев звон певучий
Я ношу в душе своей.
Словно песенных созвучий,
Жду я радостных вестей.
Жду я радостных вестей!

ЕГО ГЛАЗА

Его глаза горящий выжег танк,
Подбитый танк...
А было это так:
Сверкнула вспышка —
Вспыхнула броня,
И белый день померк среди огня.
Но танк горящий не замедлил бег.
Был зимний день.
Шел над землею снег.
С его глазами вместе,
Как зола,
Зима сгорела белая дотла,
Сгорело поле
С зимней белизной,
Похожее на белый лист резной.
Сгорел дотла в глазах его восход,
Что проливал огонь
На небосвод.
День почернел —
и в темноту он вмерз.
Остался он без неба и без звезд,
Остался он без поля и зари.
Вокруг потемки — темнота внутри.
И с той поры не знает больше он:
По-прежнему ль алеет небосклон,
Восходит ли над кромкою земли

По-прежнему
Горячий серп зари.
И кажется и чудится ему —
Вся жизнь его погружена во тьму.

И кажется,
Что жизни караван
Откочевал в потемки и туман.
Не знает он —
Погас ли свет в домах,
Желтеет ли осенняя листва...
Все та же в дальнем небе синева,
Все так же от росы сверкает лес.
Ведь с дня того
Не видел он небес,
Не видел с той минуты, с дня того
Ни вечера, ни утра —
Ничего!
Куда ни повернется он, увы,
Повсюду только черные углы...
Осенним днем прозрачным, золотым
Однажды вышел
Погулять я с ним.
Среди зеленых, радостных лугов
Собрал я для него
Букет цветов.
Как посветлело вдруг
Лицо его!
Увидел я — и стало мне легко.
И голос,
Что смеяться не умел,
Приглушенный всегда, повеселел.
В глазах без света
Занескрился взгляд,
Казалось мне, что свет они сочат.
Казалось мне,
Что стал он молодым,
Сиянием окутан золотым,
Что хлынул мир в глаза ему, света,
От радости стал резвым,
Как дитя.
То побежит,
То валится на луг,
Как будто травы он увидел вдруг
И все ручьи,
Все тропки,
Все цветы.
«Земля моя, о как прекрасна ты!
Как хороша земля!» —
Даваясь от слез,
В приливе счастья так он произнес.
А я молчал, не в силах говорить,
Молчал,
Чтоб ран его не бередить,
Молчал,
Чтоб не сжигать его в огне,
Молчал — и трудно было мне вдвойне —
Без дыма
И без пламени горел.
О, как хотелось мне, чтоб он прозрел.
Вокруг разлило утро свет дневной,
Растаяли росинки — ни одной!..
Как зрячий оглянулся он вокруг,
Он видел день,
Он видел этот луг,
И видел даль,
И видел небеса,
И видел все, хотя мертвы глаза!..

МОИ ДОЛГИ

Мои долги,
Как череда забот.
Долгам моим давно потерян счет.
И из вчера,
Где жил я на износ,
Свои долги в свой новый день принес.
Долги мои бурливы, как квашня.
Мои долги —
Их сущность из огня,
Отсвечивают пламенем впотмах,
Всегда долги мои
В моих глазах.
Они, словно светильники в руке,
Найдут меня,
Хоть буду вдалеке.
Их огненное красное кольцо
Мне опалает каждый день лицо.
Со мной долги расстаться не хотят,
Идут за мной,
Выстраиваясь в ряд.
Я должен вам за запах ваш, сады,
И должен веткам я за их плоды,
И должен я бабчам,
Где в летний зной.
Бока взрывает дьянам сок земной.
А также должен ягодным кустам,
И должен негасимым я кострам,
Ведь кто-то же заботливо зажжет
Их на пути моем — добра залог.
Я должен землям дальним
И родным —
Ведь я когда-то проходил по ним.
Я должен диким холодам вполне,
Раздумья пробуждающим во мне
И попусту обретшим свой конец,
И не дошедшим до людских сердец
Моим словам, к которым я привык,
Открыто признаюсь, что я — должник.
О люди, мы единая семья,
Всю жизнь живу в долгу пред вами я.
Тем, кто терпению учит, — должен я.
Пред тем, кому в дороге нелегко,
И кто биенье сердца моего
Угадывает чутко,
Не солгу,
Пред всеми ими — в вечном я долгу.
Кто корни горя из моих годов,
Придя на помощь, корчевать готов,
Ему я должен...
Долг и суров
Неистребимый счет моих долгов...
Кто не имеет долга —
Беден тот,
Тому никто заботу не зачтет.
И не причислит сроду, так и знай,
Из солнечных лучей нетленный пай.
И, если присмотреться —
Потому
Всем должен я,
Прямой должник всему.
Наполнена долгами жизнь моя.
Когда же расплачусь?.. Всем должен я.
Дороге, что прошел за шагом шаг,
Степному ветру, что шумел в ушах.
Всем травам луговым, всем до одной,
Дающей силы мне земле родной!
Ее запомнил я за пядью пядь —
Свои долги обязан я отдать.
Хочу я, как прекрасные цветы,
Пред днями расстелить
Свои труды!
Не будь долгов —
Дням жизни тосковать.
Тиски покоя стали б их сжимать.
Коль с вечера покой меня томит,
На помощь утро сразу мне спешит.
И что ни день —
То снова новый долг!..
Проходит время — за витком виток.
Как хорошо, что с радостью знаком,
Я остаюсь
Дней новых должником.
До вечера трудясь, заботы для,
Я долг срываю давний
С веток дня!..

Перевел с азербайджанского
Владимир ЦЫБИН.

Они собирали первый баковский электровоз.

ТРИ МОНОЛОГА О

Е. Туманов, бригадир сварщиков.

Юрий КОЗЛОВ

Фото Г. КОПОСОВА

На Дону осень. Новочеркасск по колено в листьях. По утрам город укрыт туманом, как одеялом. Однако к полудню открывается чистое голубое небо, выглядывает солнце, красные и желтые деревья, кажется, вдыхают последнее осеннее тепло, потом шумно, с ветром, выдыхают, и листья летят, летят... Но я приехал на НЭВЗ — Новочеркасский электровозостроительный завод. Поэтому старался не заглядываться на дивные пейзажи, заранее предчувствуя неизбежное несоответствие между спокойным, гармоничным, как бы неподвижным осенним миром здесь и шумными цехами, гулом, грохотом, яростными вспышками сварки там, на НЭВЗе. Впрочем, такое несоответствие замечаешь в любое время года, оказавшись на большом заводе. Но на этот раз вышло по-другому. С холма, где стоят знаменитые ворота в честь победы над Наполеоном и откуда распаивается панорама пригородов Новочеркаска, вдруг увидел красную точку. Она быстро росла, приближаясь. Это был яркий, новенький электровоз. То ли он проходил испытания, то ли перегонялся из одного депо в другое. Но что поразило: своим изяществом, легкими, стремительными линиями машина удивительно вписывалась в осенний пейзаж, более того — наполняла его движением, жизнью. Картина мира словно обрела на мгновение законченность. Я долго смотрел вслед электровозу. Потом подумал о людях, создавших это чудо. Казалось, красивая, стремительная машина — следствие особенного, творческого отношения людей к труду. Равнодушным создать такое не под силу.

Придя на завод, беседуя с людьми, я искал в них это особенное, творческое начало. Иногда обманывался в ожиданиях, но чаще нет...

На НЭВЗе прекрасно знают не только историю родного завода, но и историю отечественного электровозостроения. Любый вам здесь расскажет, что в 1932 году через Сурамский перевал в Закавказье повели поезда первые советские электровозы и что в том же году, 8 ноября, торжественно заложили главные корпуса нынешнего завода. Скажут, что в нашей стране 35 процентов всех железных дорог электрифицировано и 55 процентов грузопотока перевозится с помощью электровозов. Назовут количество машин, ежегодно выпускае-

мых заводом, — более трехсот. И обязательно добавят: а сейчас у нас реконструкция. В «Справке о ходе реконструкции НЭВЗа» говорится, что строительство новых, расширение и модернизация действующих цехов будут происходить в две очереди. Первая очередь рассчитана на 1978—1980 годы. В результате завод выйдет на мощность 425 электровозов в год. Вторая очередь — 1981—1985 годы. К этому времени годовой выпуск составит 700 электровозов!

Словом, не останавливая производства, намечено увеличить выпуск электровозов более чем вдвое!

Охватить все проблемы, связанные с реконструкцией, в небольшом материале, конечно, невозможно. Коснемся одной: человек и реконструкция. С каким наработанным опытом подошли люди к важнейшему рубежу и что в этом опыте оказалось наиболее ценным?

Монолог первый. Андрей Андреев, бригадир станочников:

— Слухи о реконструкции давно ходили. Вот, думали, начнется она, как работать будем? Но реконструкция давно уже идет, а мы работаем по-прежнему, особых неудобств не испытывая... Как же так? Ждали трудностей и не дождалось? Много я об этом размышлял. Чтобы разобраться, пришлось вернуться в прошлое, проследить, как жила бригада в последние годы, к чему стремилась. Здесь-то я и нашел ответ. За недолгое время бригада превратилась в мобильный, отлаженный коллектив, способный справиться с любыми неурядицами. А начал создаваться коллектив, думается, после того, как три года назад мы, группа станочников, решили работать по единому наряду. Раньше как работали? Станочник — человек в цехе независимый — стоял себе за станком, гнал деталь. Кто лучше работал, кто хуже, но, в общем, каждый за себя. А сейчас? Приведу простой пример. Приходим в цех за десять минут до начала смены, смотрим свежую сводку, поступившую из вычислительного центра. Там фамилии рабочих, несколько цифр, но какое впечатление производят эти цифры на коллектив! Вот сколько ты заработал за вчерашний день. С какой производительностью трудился? Как влияет твоя работа на обязательства бригады? Все как на ладони. Узкие места сразу видны. Мгновенная планерка перед началом смены: как исправить недостатки? На следующий день сводка лучше... Хочу сказать, благодаря единому наряду появился общий деловой интерес. Общая цель. Сами теперь решаем многое. Начали и контролировать друг друга. Теперь, если какая-нибудь бригада вдруг отказывается от наряда, значит, что-то у них не в порядке. Давайте разбираться! Все эти годы исподволь шла, может, на первый взгляд незаметная, но тоже очень важная реконструкция отношения рабочего человека к труду, к коллективу, к бригаде.

РЕКОНСТРУКЦИИ

Бригадир Н. М. Шаров и газорезчик С. А. Немечев.

Бригадир станочников А. Андреев.

...Побывав на заседании штаба по реконструкции, я узнал, какие проблемы возникли здесь. Проблем много, и разрешить их стараются быстро. На одно из последних заседаний штаба приехали министр электротехнической промышленности СССР А. К. Антонов и первый секретарь Ростовского обкома партии И. А. Бондаренко. Помимо конкретных вещей (что, как именно, в какие сроки надо сделать), они говорили и о недостатках — о срывающихся сроках поставки оборудования, о нехватке стройматериалов, межведомственной несогласованности, о не всегда высоком уровне ответственности коммунистов за порученное дело, о том, что часто деловой разговор сводится лишь к поискам виновных, а надо искать не только их, но и решать конкретные задачи по выполнению взятых обязательств.

Недостатков в реконструкции действительно хватает, но в данном случае речь не о них. Знаменательными показались слова министра электротехнической промышленности А. К. Антонова. «Будущее НЭВЗа», — сказал он, — зависит во многом от кадров, которые придут на завод после реконструкции. О них надо думать в первую очередь. Электровагоны становятся классом выше, значит, в ближайшее время заводу понадобится большое число квалифицированных молодых специалистов, владеющих одновременно многими специальностями. Их надо вырастить, закрепить на заводе. Следовательно, надо думать о комплексной социальной программе. Строительству жилья придавать такое же значение, как собственно реконструкции. Ведь до сих пор, случается, предприятие вводится в строй, а работать некому. Почему? Да потому, что жилье не строили, рабочим жить негде!»

Новочеркасский электровозостроительный завод.

Цитирую «Справку о ходе реконструкции НЭВЗа»: «Большой объем капитальных вложений предусмотрен на жилищное и культурно-бытовое строительство. Необходимо построить 80 тысяч квадратных метров полезной площади жилья...»

Монолог второй. Евгений Туманов, бригадир сварщиков:

— Я на заводе тридцать три года. Руководжу комплексной бригадой, где в основном сварщики, но есть и слесари и газорезчики. Трудились по единому наряду, в общий котел. Собираем кузова для электровозов. Сами понимаете, брака быть не должно. Поэтому у нас народ хороший. А я вроде бабки с решетом. Трясу — мелочь уходит, крупняк остается... Начали с того, что добились в бригаде полной взаимозаменяемости. Слесари варят, как сварщики. Сварщики знают слесарную работу. Уж и не разберешь теперь, кто слесарь, кто сварщик... Эта взаимозаменяемость очень пригодилась сейчас, во время реконструкции. Перебой, ясное дело, участился, однако же на каком-нибудь участке работа всегда есть. Значит, туда! Сегодня ты товарищу помогаешь, потом он тебе. А как пригодится эта взаимозаменяемость завтра! Ведь после реконструкции нам работать в новом цехе, с новой аппаратурой. Выходит, уже сейчас учимся. Еще одно новшество ввели — сами планируем рабочий день. Внимание руководства реконструкцией занято, за всем углядеть трудно, да и потом, кто

лучше нас знает, как день спланировать? Именно об этом — о развитии демократических начал в управлении производством, повышении творческой инициативы трудовых коллективов — и говорилось в июльском постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»...

И вот еще что: если весь день работаешь, продукция идет, значит, и заработок будет! Все это быстро поняли...

Коллектив орденоносного завода проявляет к постановлению живейший интерес. Это естественно. Некоторые из задач, поставленных в нем, в порядке эксперимента уже решаются здесь. Или те же бригады, работающие по единому наряду. Скажем, система хозрасчета в цехах вспомогательного производства или же система бездефектного изготовления продукции и сдачи ее с первого предъявления. В последнее время много говорят и пишут об организации на НЭВЗе социалистического соревнования на основе совершенствования планирования и внутрихозяйственного расчета. Повсеместное внедрение ЭВМ, дающее возможность оперативно анализировать показатели работы за день, — только одна из сторон организации соревнования. Завод меняется буквально на глазах. Уже сейчас видны контуры нового НЭВЗа, каким он станет после реконструкции.

Монолог третий. Александр Алексеев, заместитель секретаря парткома:

— Реконструкция, конечно, потребовала от завода большого напряжения. Как сейчас работаем? Людей меньше, дела больше! Рук-то не хватает. Не только собираем электровозы, одновременно и цеха строим. Жестче стал график работы, главное теперь — ритмичность. А она во многом зависит от того, как взаимодействуют между собой цеха. Теперь они будут связаны рублем. Где-то что-то нарушилось —

под угрозой месячный заработок всего коллектива. Значит, самым рабочим придется следить, чтобы этого не было. Так что, хотя и трудно сейчас, но в таких вот острейших ситуациях люди растут, учатся, совершенствуют свое профессиональное умение на всех уровнях. Как говорится, по вертикали. От рабочего — до директора! Круг обязанностей каждого в связи с реконструкцией расширился — думать, находить оптимальные решения, проявлять смекалку приходится ежедневно. Результаты налицо. Скажем, предложение досрочно выполнить пятилетнее задание к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина поддержали полторы тысячи рабочих. Почти триста уже выполнили свои задания! 737 рабочих метят у нас на заводе продукцию личным контрольным клеймом — знаком отличного качества. 97 процентов всей готовой продукции сдается ОТК только с первого предъявления. И это в условиях коренной перестройки завода!

...Покидаю завод. Стараюсь как следует запомнить эмблему НЭВЗа. Ведь встретиться с новочеркасскими электровозами придется часто. С каждым годом все больше и больше их будет на железных дорогах страны. Вспоминаю гул станков в тележечном цехе, где работает бригада Андреева, сиреневые вспышки сварки в кузовном цехе, где трудится бригада Туманова. Знаю: теперь, когда увижу электровоз, непременно вспомню этот шум и эти вспышки.

Елена ЧАЙКОВСКАЯ,
заслуженный
тренер СССР

Мой ученик Владимир Ковалев в 1979 году вернул себе звание чемпиона мира в одиночном катании. Это одна из самых почетных золотых медалей в нашем виде спорта, поскольку именно в одиночном мужском разряде идет самая напряженная борьба за призовые места. Такой она будет, несомненно, и в олимпийском Лейк-Плэсиде.

...Был голубой, почти весенний день. Солнце уже начинало пригревать — осторожно, как бы с опаской. Именно в такой день начался чемпионат мира 1972 года по фигурному катанию в далеком канадском городе Калгари. У меня выступали на чемпионате две танцевальные пары — Л. Пахомова и А. Горшков, Е. Жаркова и Г. Карпоносов. А кроме того, поскольку в те времена тренеров в составе команды за рубеж выезжало мало, мне поручили шефство над совсем еще юным одионочником Володей Ковалевым. Он только начинал свой путь, особых лавров на чемпионате Европы-72 и Белой Олимпиаде в Саппоро не снискал, так что и на этом чемпионате перед ним стояла одна задача: оставить хорошее впечатление у судей и специалистов — для будущего.

Ковалев не отпускал меня ни на секунду. Он говорил, говорил и говорил. О себе. Об институте. О папе — как нелегко ему работать экскаваторщиком. О маме, которая ведет дом и которая так хотела бы увидеть его на соревнованиях за рубежом. О том, как надо соревноваться и как не надо.

Ковалеву нужен был собеседник, который умел бы слушать. При случае и спорить, но не напоминать ежесекундно о том, что сейчас надо будет надеть коньки, снова чертить фигуры.

Я вначале только угадывала характер Ковалева. А потом — уже во время произвольной программы — произошел случай, который поднял занавес повыше.

Лихой парнишка был тогда Володя. Он улыбался даже после самых сложных прыжков. Радость так и клекотала в нем. Он радовался голубым дням, своему умению кататься. Своей юности. И еще чему-то, что так сложно укладывается в слова, когда тебе восемнадцать лет. И зрители и судьи понимали это. Канадские зрители вообще такие характеры принимают «на ура».

Вот, резко затормозив, Ковалев остановился у борта, за которым сидят судьи. Озорно улыбнулся арбитру, который ставил ему до этого самые низкие — и явно заниженные — оценки, на что даже старший арбитр специально обратил внимание и потребовал большей объективности. Обмен взглядами. Улыбка — обоюдная. И вновь Ковалев мчится по просторам катка.

Это наш, русский парнишка. И он сам никогда не забывает об этом. В нем нет ничего искусственного. Он сама искренность. И в этой незаученности движений и раскованности секрет его воздействия на зал.

Помню, как после очередного прыжка с трибуны вдруг раздался возглас на не слишком чистом русском языке:

— Спасибо, Ковалефф!

А что же Ковалев? Услышав этот возглас, он меняет рисунок программы, мчится к той трибуне, откуда крикнули ему «спасибо», совершает перед ней еще один прыжок и отвечает: — Пожалуйста!..

Что было с публикой! В пять минут Ковалев стал самым любимым фигуристом. А через несколько дней ему вручили бронзовую награду.

ИННАЛДУ

Многие тогда считали, что пройдет мало времени, пока Ковалев поднимется на более высокие ступеньки пьедестала почета: ведь тогдашнему чемпиону мира Андрею Непеле и серебряному призеру Сергею Четверухину кататься оставалось совсем недолго. Но нет, все получилось не так.

Ковалев вернулся к своему постоянному тренеру Татьяне Александровне Толмачевой, которая была и моим первым тренером, а вскоре я узнала, что мой подопечный дисквалифицирован. Он старательно учился в институте, посещал тренировки, но среди участников соревнований его нельзя было встретить. Тогда-то, думаю, мне, и изменился характер Ковалева. А заметки в печати только усугубляли ситуацию. Из этих заметок Ковалев представлял перед читателями чуть ли не легкомысленным шалопаем, в то время как паренек из рабочей семьи знал цену труду и — что самое главное — умел трудиться. Именно это при всех талантах и физической одаренности и помогло Татьяне Александровне Толмачевой так быстро поднять его по лестнице успеха.

Год, который провел Ковалев вне большого спорта, был для него мучительно тяжелым. Но он выстоял, он вернулся. Однако уже не прежним Ковалевым.

И тут он допустил вторую свою ошибку. Уж и не знаю, чем — или кем — она была ему подсказана. Ковалев решил оставить своего первого тренера, Татьяну Александровну Толмачеву, и готовиться под руководством Сергея Четверухина, который в 1973 году в ранге серебряного призера чемпионатов мира и Европы закончил свои выступления.

Почему я считаю переход Ковалева к Четверухину ошибкой?

Много лет назад в Москву приехала Жаклин Водекран, известный тренер, воспитавшая многих всемирно известных фигуристов. И вот, работая в течение трех недель на одном льду, я, еще молодой тренер, только выведший в чемпионы Пахомову и Горшкова, получила возможность досыта наговориться с ней. Тогда-то я и услышала от Водекран такую фразу: «Великие спортсмены очень редко становятся великими тренерами. Они так много сил вложили в самих себя, что с трудом понимают других. А тренер должен быть гибким, должен уметь перевоплощаться, должен, отдавая всего себя другому, не заменять собой этого другого».

Я записала тогда этот разговор с Жаклин Водекран почти дословно и всегда помню о нем. Мои наблюдения в течение долгих лет только

подтверждают то, что она тогда говорила мне.

Эксперимент с передачей Ковалева Четверухину, который был осуществлен с легкостью необыкновенной, оценок не принес. На чемпионатах Европы и мира 1974 года Владимир Ковалев оказался лишь четвертым, проиграв всем тем, у кого он раньше легко выигрывал. Что же случилось с двадцатилетним парнем в полном расцвете своих сил и дарований? Все специалисты отметили несвойственный Ковалеву стиль катания, отсутствие той легкости и своеобразия, которые делали его выступления запоминающимися. Четверухин сразу же, как оказалось, изменил весь характер подготовки Ковалева. Свои собственные приемы тренировки он начал применять на ученике — человеку с уже сложившимися вкусами, и ломка их немедленно дала о себе знать потерей многих сложных прыжков, неуверенностью на поле, неточным почерком по «школьной» программе.

После окончания сезона я узнала, что Ковалев возвратился к своему первому тренеру. А вскоре попросил и меня тоже работать с ним. Так образовался в те годы тренерский дуэт, который вывел Ковалева к чемпионской медали в одиночном катании — первой в нашей истории выступлений на чемпионатах Европы, к серебряным наградам на Олимпиаде в Инсбруке и к успешным выступлениям на первенствах мира 1975, 1976 годов.

Тренер поднимается вместе со своими учениками на новую высоту, учится вместе с ними. Работа с Ковалевым многому научила меня. В свое время я знала «школу» одиночного катания неплохо, ведь я сама выступала как одиночница. Но те, старые, знания и навыки сегодня были явно недостаточными. И вот уже добрых пять лет я учусь. Почти каждый день рано утром выхожу на лед, чтобы в течение трех часов выступать и в роли представителя ОТК, принимающего готовую «продукцию», и одновременно консультанта, к которому обращаются за советом, если в выпуске этой «продукции» начинаются перебои.

Работа с одиночниками имеет отличительные черты, и тренеру, который занимался только парным катанием и танцами, приходится осваивать и другую технику и иную психологию. Тренируя пары, тренеру приходится быть дирижером, регулировщиком — ведь подгонка партнеров друг к другу, совмещение векторов их сил и дарований уже сама по себе сложнейшая композиционная проблема. И очень часто эмоции партнеров служат друг для друга как

бы громоотводом, волногасителем, и это в какой-то мере облегчает положение тренера. Не то в одиночном катании. Здесь эмоции накапливаются, и никаких громоотводов для них не существует. Не получается фигура, не получается прыжок. Одна попытка, другая, третья. Нет, не то. Почему? Ведь еще вчера все получалось так ладно.

Тренер видит и понимает, что происходит. Он говорит об этом спортсмену, он должен сказать, чтобы не потерять драгоценное время, чтобы не создать ошибочный стереотип движения. Но фигурист слишком возбужден своими неудачами. Он не может в этот момент заниматься глубоким анализом. Он не сомневается в том, что все делает правильно, не хуже, чем вчера или позавчера. Почему же результаты противоположны? И советы тренера идут мимо его ушей, не принимаются им. Они только еще больше его взвинчивают.

Тут нужны особые слова. Может быть, даже особое молчание. Один жест. Или улыбка. Блуждание в темноте. Ариаднина нить собственного опыта часто теряется. Подсказок здесь тренеру ждать не от кого. Чужая душа — потемки, и нам надо осветить ее лучом надежды. Главное — не дать одиночнику замкнуться в себе, заниматься тем, что я называю самоедством.

Сколько я видела драм из-за того, что фигурист-одиночник оставлен в одиночестве. И потому, когда слышу вопрос: что это ты на соревнованиях и предстартовых тренировках все время с Ковалевым, почему не отпускаешь его от себя, что он — мальчик маленький? — я только улыбаюсь и мысленно предлагаю спрашивающему стать на мое место. Ведь Ковалев ничем не отличается от других фигуристов. Может, только своей боязнью одиночества он выделяется...

С первых дней нашей общей работы я занималась только одним: я хотела проявить у Ковалева все то лучшее, что он уже имел и что еще хранилось в нем неиспользованным, и для этого создать программы, в которых он мог бы выразить самого себя.

Конечно, длительная борьба за место среди лучших не могла не сказаться на Ковалеве. Тяжесть, которую он несет как лидер команды, с каждым годом не только не уменьшается, но еще и увеличивается, потому что он несет ее, по существу, в одиночку, а товарищи по команде его поддержать не могут. В 1979 предолимпийском году, когда чемпионом страны стал Константин Кокора, на чемпионате Европы он оказался после «школы» во второй «десятке». То же случилось и на чемпионате мира. С такой позиции на штурм призовых мест уже не бросишься. И приходится Ковалеву воевать в окружении нескольких зарубежных одиночников, воевать с ними, с судьями, с самим собой, в конце концов потому что нет у нас таких средств, которые помогли бы забыть спортсмену — хотя бы на время — ответственность, что лежит на нем, а забывать об этом просто необходимо, если хочешь вновь почувствовать свежесть, раскованность, естественность.

Какова цена таких волевых усилий — один бог знает. Я имею возможность увидеть спортсмена и через несколько минут после финиша и через несколько часов, дней, недель и месяцев. Я знаю цену тех минут, в которые фигурист должен показать все, на что он способен. Я знаю, что пустота в душе заполняется очень медленно. Гораздо медленнее, чем, скажем, у нас, тренеров. Когда цель достигнута, когда мне удалось сделать все, к чему я стремилась, я делаю следующий шаг и начинаю думать о том, что мне предстоит. Но у фигуристов этот подъем на следующую ступень происходит иначе. И труднее всего этот подъем дается Ковалеву.

На Олимпийских играх в Инсбруке Ковалев после двух дней соревнований был отодвинут

Фото А. Бочина

на четвертую позицию. С нее очень трудно выйти вперед за счет произвольного катания, хоть и очень велика его цена. Судьи уже под властью инерции в их отношении к спортсмену, и сломить ее очень трудно. А к тому же Ковалев должен был стартовать впереди нескольких серьезных соперников, но позади уже четко намеченного лидера — англичанина Джона Карри, ставшего незадолго до этого чемпионом Европы. Днем я вынуждена была уехать на тренировку своих танцевальных пар, а Володю отправила в кинозал Олимпийской деревни, так что мы встретились только через несколько часов, уже в ледовом дворце, незадолго до старта.

— Ну, как провел время? — спросила я.

— По-моему, лучше не придумаешь, — ответил Ковалев. — Показывали двухсерийный боевик. Главный герой — каратист. Он дерется и один на один, и один против двух, трех, а в конце концов — и против целой школы каратэ. И побеждает!..

Целый час — если не больше — Ковалев пересказывал мне сюжет фильма. Даже приемы демонстрировал. Глаза сверкали. За соревнованиями и не следил. Кто там какие оценки получает — его не интересовало. И вот наступил черед сильнейшей группы. Разминка — как мгновение. Карри катается хорошо. И овацию ему устраивают уже как чемпиону. Цветы летят на лед. А Володя в это время уже стоит на льду. Крутится возле бортика. Его эта овация затронула за живое. Желваки на скулах играют.

Собрал Карри все цветы. Унес их в раздевалку. Лепестки подобрали, и Ковалева наконец-то пригласили на старт. Тут он и показал все «приемы». Весь комплект тройных прыжков, имевшийся в его распоряжении. Первоклассные вращения. Скорость огромную, азарт неумейный. И — как в 1972 году в середине программы — улыбнулся!

Оценки были очень высокие, хотя и ниже, чем у Карри. А дальше от нас уже ничего не зависело. И мы могли только ждать, ждать и ждать. И это ожидание было намного тяжелее ожидания старта.

Мы поглядывали на экран, на котором ЭВМ мгновенно, как только судьи выводили оценки, расставляла спортсменов по своим местам. Шесть минут — наверху строчка Карри, а под ней — Ковалева. Шесть минут — вверху строчка Карри. Шесть минут — и снова свистопляска строчек. Ковалева бросают вверх и вниз, — мнения судей по каждому спортсмену расходятся. На льду еще один участник — последний, и вновь прыгают строчки, вновь ЭВМ суетится, выдавая информацию. Строчка Ковалева уступает только Карри и опережает строчки канадца Толлера Крэнстона и Яна Хоффмана.

Постойте перед таким монитором на Олимпийских играх, когда ты уже сказал свое слово, и сказал его хорошо, да только от тебя уже ничто не зависит, и твоей спортивной судьбой играют другие. Постойте, и вы поймете жизненную цену этих минут!

Кстати сказать, такая же ситуация получилась и на чемпионате Европы-79. До самого последнего мгновения фамилия Ковалева стояла на первом месте. И только после выступления французского фигуриста, которого судья из Франции поставил в итоге выше моего ученика, строчки на мониторе ЭВМ запрыгали и поменялись местами.

Серебряная награда... Может ли она компенсировать разочарование без пяти минут чемпиона? Как выяснилось, Ковалеву все это только добавило спортивной злости и психологической устойчивости. На чемпионате мира 1979 года он был единственным, кто вынес тяжесть борьбы. На промежуточном финише, во время исполнения короткой программы, он оказался единственным в группе лидеров, кто выполнил блестяще все элементы и получил чрезвычайно высокие оценки. И Ян Хоффман, и англичанин Робин Казенс, и американец Чарльз Тикнер, чемпион мира 1978 года, с нервами своими не справились.

Спорт суров и требователен. Он каждому воздает по заслугам. И победа Володи только лишний раз свидетельствовала о том, что работа, проделанная нами, себя оправдала, что каждый наш шаг был сделан в единственно правильном и нужном именно для Ковалева направлении...

ПАМЯТЬ О НИХ СВЯЩЕННА

Просматривая журналы «Огонек» за этот год, в № 32 я увидел материал, озаглавленный «У памятника в Каменке-Днепровской». Сразу заинтересовался, Каменка-Днепровская мне очень памятна: в феврале 1944 года ее освобождала от фашистских захватчиков 3-я Гвардейская армия, которой я тогда командовал, к тому же я почетный гражданин этого города. Вспомнились ожесточенные, очень кровопролитные бои. Враг стойко и умело оборонял свой приднепровский плацдарм у Каменки-Днепровской, одолеть его, добиться победы было нелегко, и много наших солдат пало смертью храбрых. И вот в статье читаю, что двух из них, неизвестных, захоронила жительница Каменки-Днепровской Ульяна Сидорова Прохорова. А потом на свои скромные сбережения поставила им памятник.

К памятнику, поклониться праху защитников Отчизны, приезжают люди из многих городов нашей Родины. А комсомольцы московского завода «Авангард» своими руками сделали для памятника мемориальную плиту и звезду. Установили их к Дню Победы...

Я думаю, что патристический поступок Ульяны Сидоровны Прохоровой и славные дела комсомольцев московского завода «Авангард» заслуживают должного внимания и самой высокой оценки советских людей, служат достойным примером. Память о тех, кто своей жизнью заплатил за свободу и независимость нашей Родины, священна и вечна.

Дважды Герой Советского Союза, генерал армии
Д. ЛЕЛЮШЕНКО

В ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

Умудренное опытом, невзирая на все достижения НТР, человечество не в силах расстаться с вековыми образами литературных героев — сильных, ловких, отважных. Что-то, а дух приключений на нашей планете совершенно неистребим. Именно об этом — произведения ленинградского писателя Вильяма Козлова, чье творчество обращено прежде всего к юным.

Вот, скажем, старый сундук хранит в своем чреве... не больше не меньше, а исполнение всех желаний («Идол из старого сундука»). На острове в два километра длиной происходят невиданные чудеса («Президент Каменного острова»). Пятнадцатилетний герой найдет в себе мужество разоблачить диверсанта и даже победить его в поединке («Витяка Грохотов и его компания»). Не минуем маленьких героев В. Козлова и самое страшное из приключений — война: раскрыв повесть о Витке Грохотове, вы вдруг окажетесь на полях Великой Отечественной.

История у В. Козлова всегда ошутима, хотя и не обязательно предстает во всей полноте. Честно следуя жизненной правде, он не показывает того, что подросток еще не может глубоко осознать. Максиму Бобцову — герою повести «Я спешу за счастьем», возвратившемуся на крыше вагона в родной город, минувшая война дает о себе знать ранящими сердце следами: грудой кирпичей вместо вокзала, голыми пнями взамен кленового парка...

Характер героя — стержень любой детской книги. Есть своего рода закономерность, в силу которой главный герой Вильяма Козлова обладает «несносным», зато вполне определенным характером. Стоит прочесть подряд две повести — скажем, «Юрка Гусь» и «Я спешу

за счастьем», чтоб мгновенно понять: да ведь это один и тот же персонаж на разных этапах своего развития! Увы, для окружающих этот любимец автора, как говорится, «не подарок». Он, «непокладистый», рожден эпохой «роковых сороковых» годов. Формировали его бедствия войны: гибель семьи, безотцовщина, ужасная детская бездомность. Никто и ничто на свете не может подчинить себе бывалого мальчишку, его не убедишь, не растрогаешь, не напугаешь. На язык он острый, в беде находчив, в драке отважен. И он реален и романтичен. Писатель не наделяет его слишком сложной психологией, не перегружает интеллект: слишком сурова была тогдашняя действительность, слишком давила она на слабые плечи подростка.

Вильям Федорович Козлов, которому в эти дни исполнилось 50 лет, принадлежит к тому отряду прозаиков, талант которых созрел как раз в послевоенную пору. Его перо оттачивалось на шороховатом камне горных, натруженных будней. Тогда всего не доставало, все было в строительных лесах, и нагая, обнищавшая простота жизни и ее задач требовала предельно краткого, острого и точного письма.

«Это был отличный вечер. Нам улыбалось небо, улыбался тощий месяц, подмигивали звезды. Я вдруг подумал, что жизнь — чертовски хорошая штука. Этот месяц, звезды, полосатые тени от кустов, голубая лыжня и мы. А кругом снежное раздолье» («Я спешу за счастьем»).

Стиль его отлично передает быстрый пульс эпохи восстановления, сухой рабочий ритм. Так же писатель строит диалоги героев — короткие и напряженные, они как бы слышны сквозь стук молотка и топора.

Юмор у Козлова сквозит и в диалогах и в ситуациях, мы все время чувствуем сдержанную улыбку писателя, с какой он рисует колоритные, занозистые характеры своих героев, их всегдашнюю готовность к отпору, описывает их неуклюжее ухаживание за девочками и решительные, но неумелые попытки выкарабкаться из полосы неудач.

Взрослые редко вхожи в страну детства. Ах, какая она трудная, эта малоисследованная область мальчишеских интересов и страстей! Если ты в ней не свой, то не разберешься, что к чему, не сориентируешься. Надо долго хранить в душе первозданную свежесть чувств и дерзкую пытливость первооткрывателя, чтобы получить хоть временный пропуск туда.

Писатель Вильям Козлов — один из таких счастливых. Он вхож в эту страну, и он способен рассказать о ней со всей точностью, проникновенностью и добрым юмором.

Емельян ЯРМАГАЕВ

* * *

...Прошло после Победы без двух месяцев семь лет, была первая половина марта 1952 года.

Катя Афанасьева, давно ставшая Makeевой, по-прежнему председательствовала в колхозе и ждала из заключения Михаила.

Внешне не так-то много изменилось за эти годы в Романовке, деревушка была такой же маленькой, только поставлены были на том же месте, под увалом, новый коровник под шифером, из свежих бревен собрали два просторных амбара, а рядом с ними крытый ток; да муж Василихи, длинный, горбоносый мужик, вернувшись с фронта, выстроил новый дом, а старый отдал безвозмездно Лидии Пилюгиной, где она и жила с семнадцатилетней дочерью Сонькой — рослой, стройной и настолько красивой, что каждый невольно останавливал на ней свой взгляд. Дряхлая Федотья все еще скрипела, жила по-прежнему в одиночестве, сделалась вовсе злой и невыносимой; когда Софья прибегала к ней, между ними каждый раз происходил примерно один и тот же разговор: «Бесстыжая, все титьки выставляешь?» «Куда ж их деть, коль выросли», — отвечала Софья. «Ужо погоди-и, — страшила старуха. — Мужик, он сперва в ухо погудки, а потом лапой за грудки». «Как тебе не совестно-то, бабушка!» «Ишо совестить, поганка! Вся в мать, чтоб тебя свинья растоптала...»

Несмотря на это, Сонька, веселая и жизнерадостная, постоянно ухаживала за старухой, обстирывала ее, водила в баню, убиралась по дому.

да спи. Все жизненные витамины, гряд, тут». «Холод, Андронущк, насквозь меня иглами прокалывает. Прости, говорю, сердешный...» «Да счас я тебе грелку...»

Андрон загремел заслонкой, вытащил два чугунка, один с горячей водой, чтобы налить ее в резиновый пузырь, а другой со смородиновым отваром. Когда с кружкой отвара подошел к кровати жены, та была уже мертва.

Пережил свою жену Андрон всего на полторы недели. Схоронив старуху, вытесал и себе гроб, сказал Кате:

— Чтoб вам без хлопот, значит. В могилке я подкоп вырыл просторный и земля там над старухой еще не охрысла. Легонько ее выкидаете и меня рядком положите.

— Шибко уж скоро ты вслед-то ей собрался, — с таким же беспокойством, как недавно сам Андрон свою жену, ругнула его Катя.

— Где ж скоро, вон вторая неделя пошла, — возразил старик. — Каждую ночь слышу — зовет она к себе меня. А вы куда оставайтесь под солнышком. Теперь ты с Петрованом, не одна, и проклятая война эта отошла. Ты уж, Катерина, по утрам-то на живность мою посматривай, али ребятишек своих посылай. А то мертвяком неуютно в пустой избе лежать. Закрывать-ся на ночь я не буду...

Эта длинная его речь и была последней, где-то ночью он и отошел, утром Катя с порога еще увидела его вздыбленную к потолку, давно остывшую уже бородавку.

Похоронили его, как он просил, не было над могилой ни речей, ни слез. Катя Афанасьева, глядя, как Петрован с сыном Легостаихи Иваном, угодившем-таки в последний месяц войны под серьезное ранение и только недавно, к неопишуемой радости матери, вернувшийся домой, зарывают могилу, ворошила в голове нахлынувшие невеселые мысли о бренности и никчемности человеческого бытия. Неисчислимое количество людей, думала она, беспрерывно появляется на земле, каждый быстро проживает свою

ную спину Петрована, обравнивавшего лопатой могильный холмик, и вспомнила почему-то опять о смерти секретаря райкома партии Дорофеева: ну да, он скончался в тот вечер, может быть, даже в тот самый час, когда она, Катя, упав на кровать к Петровану, сгорела под его тяжелым и добрым телом, забыв про всю свою ужасную, без единого светлого проблеска жизнь, про мертвых и живых своих детишек, про сгинувшего где-то Степана Тихомилова. Она, уткнувшись мокрым лицом в его горячую грудь, лихорадочно оглаживая его по плечам, по спине, от неизведанного доселе сладкого чувства стонала, хрипела и без конца выговаривала: «Петрован... Петрован...»

И сейчас она еле слышно произнесла:

— Петрован...

Он сразу же расслышал ее шепот, немедленно разогнулся.

— Чегой-то? — И обеспокоенно шагнул к ней. — Тебе что, худо?

— Нет... ничего, — ответила она, пряча от всех лицо. Ей казалось, что сейчас люди заметят то, чего не должно быть в выражении глаз человека, стоящего у свежей могилы. Потом повернулась и первая пошла с кладбища.

А дома прямо у порога она ткнулась ему лицом в грудь и прошептала стыдливо:

— Затошнило там меня, Петрован. Вот чего.

— Катя! Катенька... — выдохнул он облегченно, стал тяжелыми руками гладить ее, как маленькую, по голове, по плечам. — Да неужели ж? Не ошиблась ты?

— Нет. Это — точно так... как было раз уже.

Она откинула голову, подняла на него полные счастливых слез глаза. Он глядел на нее радостно и еще недоверчиво, потом недоверчивость исчезла, растаяла, а радость засветилась еще отчетливее.

— Поворо-от! Ах ты, Катенька! Родимая...

И он снова прижал к себе ее худенькое тело.

В начале сорок седьмого Катя родила де-

В Р А Ж Д А

Помягче стала относиться к Федотье и сама Лидия, тоже, когда Софье было за колхозной работой недосуг, приглядывала за свекровью, зимой протапливала в бывшем своем доме печь, пекла и варила на нее, но жить вместе категорически отказывалась. «Вонючка, не разнюхал тебя в невестах Артемушка-то, — грызла и ее Федотья. — Кинули дура в колхозе ломоть, а она и рада за него молоть».

— Да хоть бы отравилась ты злобой-то своей поскорее! — не раз в сердцах говорила ей Лидия.

— Ага, ага, — качала маленькой и легкой, будто вовсе пустой головой, Федотья. — Дай господь смерти, да вот тебе наперед.

Дряхлая Федотья, по-прежнему исходившая бессильной теперь злобой на весь мир, все еще жила, а вот добрая Андрониха через год после Победы скончалась. Умерла она тихо и спокойно, однажды вечером, как укладывались спать, она сказала своему старику: «Ты, Андрон, уж прости меня, коли в жизни-то чем я тебе не угождала... али прикучала». «Чего такое мелешь, старая! — с беспокойством в голосе выругал ее старик. — Выпей-ка вот смородинки отвару»

жизнь, хоть такую длинную, как Андрон вот, или короткую, как секретарь райкома партии Дорофеев, скончавшийся вечером девятого мая, сразу после митинга, посвященного победному празднику. Один умирают своей смертью, другие от пуля, как вот Степан Тихомилов или ее отец, или тот же Дорофеев, а то еще и под пытками да огнем, приняв под конец невероятные мучения. Но так или иначе каждого ждет смерть, под этим вечным солнцем и немymi холодными звездами беспрерывно, никогда не останавливаясь, работает и работает чудовищная мельница, безжалостно перемалывая всех. Будь ты добрый или злой, умный или глупый, люби ты людей или ненавидь их, как Федотья вон Пилюгина, конец для каждого один. А если еще и подумать, что каждому при жизни уготовано больше тяжкого труда, чем отдыха, больше горя, чем радостей, — зачем вообще появляться на земле?

Так уныло размышляла Катя над могилой Андрона, и вдруг все эти тяжелые и невеселые мысли словно ветром подхватило да унесло: голова ее закружилась, в груди она почувствовала ту самую тошноту, уже знакомую ей, приведшую однажды ее к неопишуемому ужасу. А теперь от этой тошноты беспокойно и радостно забилося сердце, разгоняя кровь во все жилы, наполняя тело согревающим огнем. Она глянула на сгорблен-

неньку, назвали ее в честь безответной Катинной помощницы Марией, о чем и объявили счетоводихе. Та расчувствовалась, расплакалась, принесла в подарок целый ворох пеленок и крохотные валеночки. А через два года Петрован привез жену из больницы с сыном, и, немного хмельной от радости, всю дорогу уговаривал Катю, хотя она и не возражала:

— А назовем его Даниилом, а? Данила Петрович будет. Как славно, а?! Кузнечному делу его, Катя, обучу... Эх, пошла наша с тобой жизнь-то, Катя!

Да, жизнь шла теперь по всей земле легче, и в Романовке тоже, и в Катиной семье было теперь все благополучно.

В мае сорок пятого Катя и Makeев расписались, а в конце августа Петрован ска-

зал: — Николай-то, что ж, так неучем у нас и останется? Давай, Коля, на учебу собираться. В Березовскую семилетку поближе будет, там я договорюсь, где с квартирой у добрых людей. Харчи подвозить будем с матерью, конечно.

Николай было заупрямился:

— Десятый год мне уж, с первоклассниками... Засмеют же.

— Засмеют-то нас с матерью, коль сундуком вот безграмотным останешься. Ишь, скажут, родители тоже. Ничего, Коля, соби-

райся. А на другой год Игнатия тоже отдадим в школу, тогда вдвоем там будете.

Николай вытянулся на несчастье в парнишку рослого, за партой возвышался над всеми на целую голову, и безжалостных насмешек ребячьих перенес, конечно, немало, но четыре года терпел, а потом стало невмogu. В сорок девятом он в школу ехать категорически отказался, стал работать с Петрованом в кузнице, а нынче после нового года заявил:

— А ежели на шоферских курсах мне, батя, поучиться? А, мам? Рулить-то я уж умею, дядя Иван Легостаев научил.

В колхозе уж несколько лет было две полуторки, на одной из них работал Иван Легостаев.

— Так, а что ж, мать, — сказал Петрован. — Шоферская работа серьезная.

Второй уж месяц Николай учился автомобильному делу, квартировал в райцентре. Игнатий, пошедший в школу в сорок шестом, был уже в пятом классе, жил в Березовке. Подростала Фроська, к нынешнему сентябрю и ее готовили к школе. Петрован сам купил ей уже в районном культмаге портфель, букварь, пенал с карандашами, набрал всяких тетрадок. Объявив ее в сорок четвертом своей дочерью, он чутко и строго все эти годы следил, чтобы не вздумал кто в этом засомневаться, одевал ее чище и баловал больше, чем даже родных детей. И у Кати от этого не раз навертывались благодарные слезы и, пряча их от мужа, она думала, что счастье не обходит все-таки ни одного человека, вот и ей судьба выделила немало, да какой же Петрован золотой человек, вот вам и пьянчужка. Ну, и от деревенских людей все это не укрывалось, особенно от бабьего глаза, отношение Петрована к Фроське все глуше и глуше затирало историю ее рождения. Лишь неумная в своей злобе Федотья пыталась что-то внушить Фроське, та однажды вечером прибежала в слезах, уткнулась не матери, а отцу в колени, заверещала:

— Ты мой папа... Ты мой... самый родной!

— Что? Кто обидел? — поднял ее за плечики Петрован, хотя и ему и Кате было уже ясно, в чем тут дело.

— Бабушка эта злая... Схватила меня сейчас.

— Ах, она, ведьма старая!

— Ага, ведьма... — вытерла девочка кулачками глаза. — Как из сказки она, вроде. Я ее боюсь.

— Ну, бояться не надо, доченька... А я вот с ней поговорю сам. Я на нее найду управу.

— Найди, пап! Ты же вон какой сильный, — с детской верой во всемогущество отца сказала Фрося.

— Обязательно я найду. Вот сейчас я к ней и отправлюсь.

Когда Петрован вернулся, Фрося спросила:

— Нашел, пап?

— А как же. Теперь она тебя не тронет больше. Давай вон куклов-то своих укладывай на ночь, у них уж глаза слипаются.

Успокоенная и радостная, девочка побежала к своим куклам.

Ночью Катя спросила:

— Что ж ты ей говорил-то?

— А посулил... коли еще вякнет чего Фроське, возьму, говорю, вилы, да за шею приткну к земле. Как гадюка, говорю, поизвиваешься да сдохнешь.

— Петрован!

— А вот и испугалась. Ладно, грит, сил-то у меня нету уж, а вот вернется Пашенька... Помешалась на своем Пашеньке.

— Да он и правда... если бандитом-то вернется!

— Ну, много еще воды стечет, покуда срок ему кончится, — успокоил Петрован жену. — А Фроська, как подрастет, так и сама все поймет. Мы ж ее тоже потихоньку воспитывать будем.

Все это было с год назад. Федотья никогда с тех пор к Фроське и близко вроде не

приближалась. Сколь не многожильной была она, а силы ее все же заметно иссякали, оставленная всеми, кроме сердобольной внучки Софьи, она потихоньку высыхала. Но и до звону высохшая, она бы, наверное, еще долго маячила на земле, как неприкаянная и зловещая тень, да два события ускорили, видно, дело и свели ее в могилу.

Но случились они весной пятьдесят третьего, сразу почти одно за другим, а покуда еще стоял март, пятьдесят второго, первая его половина, Катя Афанасьева, давно ставшая Макеевой, ждала из заключения брата своего Михаила, а вернулся в Романовку, неизвестно даже откуда — Степан Тихомилов.

* * *

Он объявился, Степан, восьмого марта, как раз в женский праздник. Еще в обед Катя собрала в конторе всех бабенок и девочек, сказала от имени правления колхоза, в котором, кроме нее, состояли сейчас Мария-счетоводиха, шофер Иван Легостаев, Василий Васильев, да Лидия Пилюгина, короткую речь, в которой поздравила их с праздником, поблагодарила за хорошую работу.

— Правление тут вырешило особо старательным маленьким подарком, то есть премией по случаю праздника, — закончила она. — Вот сейчас Василий Васильевич Васильев и объявит, что кому.

Муж Василихи, бывший уже несколько лет у Кати заместителем и любивший речи не то чтоб цветастые, но многословные, был тут как рыба в воде, для каждой премированной он находил слова теплые, и потому подарки вручались под незастыдливые и дружные аплодисменты.

Премировали отрезом цветного крепдешина на платье и Софью Пилюгину.

— Тут мы совета у ее матери-то, которая теперь член нашего правления, понятно, не спрашивали, — сказал Василий Васильевич. — А вы-то, мы подумали, возражать не будете. Все вы знаете, что девка она и на лицо и на работу красивая. Вона как телятки у нее привес дают, любо-дорого, и ни одного падежа у нее, всех выходила, потому что как за малыми детьми за ними заботится.

Поблагодарившая от смущения Софья схватила отрез и пулей вылетела из конторы.

Потом, как водится в такие дни, послышались из некоторых домов и песни. И каждая семья приглашала Катю к столу, но она всем отказывала словами:

— Мишеньку я жду с часу на час, еще ведь двадцать девятого февраля срок у него кончился. Он придет, а я выпившая, да вы что, бабы!

Но вот вместо него объявился другой...

Невидимый уже в вечерних сумерках, Тихомилов Степан с палкой в руках по крепкой еще санной дороге спустился с холмов. И по деревне к своему дому подошел никем не узнаваемый.

Он отворил дверь, когда Макеевы всей семьей — сам Петрован, Катя, Фрося, пятилетняя уж Марийка и трехгодовалый Данилка сидели в кухне за ужином, спустил с плеча жиденькую котомку, поставил в угол палку, расстегнул короткополый старый ватничек, потер ладонью обросшие жестким, местами белесым уже, волосом щеки и сказал:

— Оконные стекла светятся огнем чистенько да весело, я подхожу, да и думаю — живут в моем доме люди. Ну, здравствуйте.

Катя, держа на руках Данилку, кормила его. Еще при появлении Степана, когда он снимал с плеча котомку, из ее рук вывалилась и брякнула об стол ложка. А как раздался его голос, Катя, бледная как стена, начала медленно подниматься. Сына она чуть не выронила, его успел подхватить Петрован.

— Степа-ан?! — зашлась она криком, чуть не опрокинув стол, шагнула куда-то, не то к Тихомилову, не то просто на сере-

дину кухни, метнулась, как слепая, туда-сюда, всюду натыкалась будто на глухие стены. И еще раз заставив в последнем стане, так посреди кухни и рухнула без чувств.

...Придя в себя, долго лежала на кровати без всякого движения. Она понимала, что Степан объявился еще вечером, а теперь вот ночь, чувствовала, что рядом лежит на спине Петрован, а глаза его открытые, он смотрит в потолок. Она всегда по его дыханию узнавала, спит он или так лежит да о чем-то думает.

— Отошла? — спросил он, почувствовав, что Катя очнулась. — А я вот слушаю, дышишь, значит, и живая, слава богу.

— Что ж теперь-то... Петрован?! — хрипло спросила она. — Что теперь?

И, затаившись больше прежнего, со страхом ждала его ответа. А он лежал и молчал, молчал, будто и не слышал ее голоса.

— Поворо-от, — наконец вздохнул он. — Я ему сказал — как решит Катя, так и будет.

— Нет! Не-ет! — дернулась она, будто ее током пробило, цепко ухватила за его плечо, повернула к себе. Другую руку она просунула под его бок, сцепила замком пальцы на его спине, прижалась лицом к его груди и начала громко и тяжело всхли-пывать.

— Ну чего ты? Чего, Катя... — неумело пытался успокоить он ее. — Это уж того, не надо.

— Да откуда... откуда же он объявился-то?!

— В плену, что ли, немецком был. Ну, а после войны, грит, в другом месте. Не всем, дескать, прощали...

— Да это ж... что такое? Да как же?!

— Ну, я подробности не спрашивал... Сумной, он, Катя, какой-то. Говорит, а за каждым словом будто камень утаивает.

— А об детях-то он своих... Али нет?

— Как же... Игнатий, говорю, живой-здоровый. В Березовке сейчас, учится там в школе. А об остальных у людей, сказал, расспроси. Они те лучше все обскажут. А Катерине ноги, говорю, дурак, целуй...

— Ноги... Да зачем ты так?

— А пушай знает. Много-то я с ним не разговаривал, только это и сказал.

— Сейчас-то он где? У нас, что ли, спит?

— Не у нас, — сказал Петрован. — Счетоводиха его, Марунька, к себе увела.

— Марунька?

— Ну. Прибежала она к тебе за каким-то делом, увидела его да так и осела... А потом, значит, и увела. Пойдем, говорит, у меня переночуешь, а там видно будет. Сидорок вон его и палка тут остались...

* * *

На другой день утро сразу поднялось веселое и солнечное, а на душе у Кати было невообразимо как, в сердце, во всей груди жгло горячим огнем. Петрован, несмотря на воскресенье, до зари ушел в свою кузницу, с самого рассвета стучал там на всю деревню. Ребятишки еще сладко спали, Катя топила печь, готовила завтрак, время от времени бросала взгляды на Степанову котомку, лежавшую на полу у стенки. Катя понимала, что мешок лежит не у места, как вается, что Петрован, придя к завтраку, обязательно скажет — чего не приберешь, мол, он не любил, когда вещи валялись где попало, но подойти к котомке боялась.

Наконец все же подошла, пододвинула в угол, где стояла палка, табурет, и положила на него котомку. Мешок был легонький, когда она клала его на табурет, в нем что-то звякнуло, кажется, металлическая ложка о котелок. Звук этот разрезал и без того саднившее острой болью сердце. Катя тут же, у дверей, опустилась на голбчик, тяжело и беззвучно заплакала.

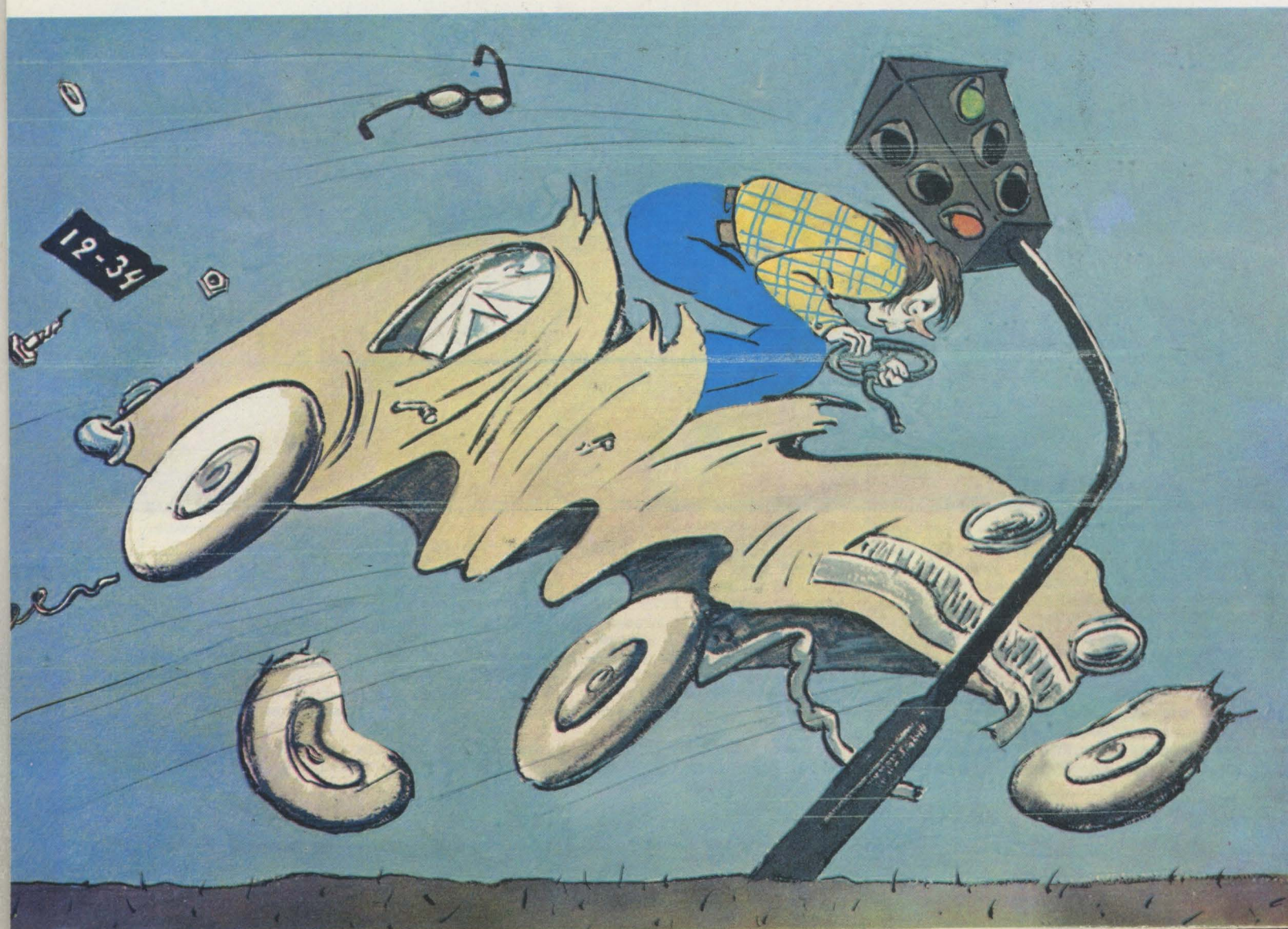
Из-за двери в кухню вышла растрепанная и припухшая после крепкого сна Фрося, старшая ее дочь, накинула пальтишко, побежала торопливо на улицу. Минуты через

М. Копьев. Род. 1917. ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА НКВД БАШКИРСКОЙ АССР И. П. МЫЛЬНИКОВ.

Кукрыниксы. ВОТ В БОРЬБЕ С ТАКИМИ ЛИЦАМИ МНОГО ТРУДИТСЯ МИЛИЦИЯ.

три вернулась, повесила пальтишко на гвоздь, загремела рукомойником.

— Ух, там какое седни солнышко, мам! — сказала она, вытирая розовые щеки, потом подошла к ней. — А ты все из-за того дыбки плачешь?

Катя привлекла ее к себе, прижала, поцеловала в голову.

— Из-за него, Фросенька.

Девочка о чем-то сосредоточенно подумала и спросила:

— А он чужой нам или нет?

Катя растерялась как-то, не зная, что ответить на такой вопрос.

— Он... У тебя был дедушка, который на войне погиб. Вот для дедушки он был как родной сын...

— А-а, — протянула Фрося. — Непонятно только.

— Родимая ты моя! — Катя опять прижала к себе дочь. — А мне-то, думаешь, понятно...

Но как ни странно, этот невразумительный разговор с малолетней дочерью немного привел Катю в себя, она насухо вытерла слезы, вернулась к домашним делам. И когда пришел Петрован, была уже собранной и спокойной. Макеев, видно, не ожидал ее увидеть такой, чуть удивленно двинул бровями, но промолчал.

И завтракал он молча, от чашки глаз не поднимал.

— В воскресенье мог бы и отдохнуть, — нарушила наконец она молчание.

— Да что ж... Посевная-то вот и прикатит.

Завозились и завершали за дверью проснувшиеся Марийка с Данилом. Петрован, как раз допив чай, поднялся и пошел к ним в комнату. Оттуда донесся его веселый голос:

— Опрудил всю постель молодец-то наш! Ты что же это делаешь, ведь мужик уж почти? Ну-ка, мать, давай нам свежие штаны.

Переодевая сына, Катя вдруг спросила: — А Марунька вчера... хмельная прибегала?

— Да вроде бы ничего. Чуток разве припахивало.

Потом Петрован опять молча сидел на голбчике у дверей, курил, глядел на котомку, которая лежала в углу на табуретке. Фрося кормила Данилку, она давно научилась делать и это и многое другое, на нее и весь дом оставляли теперь чуть не на круглый день. Марийка скребла из чашки сама, а Катя мыла посуду.

— Василиха мне сказала — всю ночь у Маруньки свет горел, потух, как солнце разлилось. И тут же труба задымила.

— Дом-то ему теперь освобождать надо, — сказала Катя. — Ведь в чужом живем.

— Да это что ж, дом, — Петрован поднялся, снял с гвоздя тужурку, стал надевать. — С весны и свой зачем ставить... коли ты решишь.

Катя, как была с полотенцем на плече, так и качнулась к мужу, припала к его плечу.

— Петрован! Я ж ночью сказала. Чего решать-то?! С размолотого зерна уж колос не соберешь. Да и что промеж нас с ним было-то? Все ж у тебя на виду... Ничего и не было.

— Да ладно, Кать... Ну, ладно, — сказал он и вышел.

Мария будто караулила, когда Петрован отправится в кузину, через минуту-другую, как он ушел, она распахнула дверь, вбежала простоволосая, в наспех накинутах плюшевой жакетке.

— Катерина! Это ж ночь у меня была! А пуще у тебя... — И счетоводиха зашлась слезами. — Вот как ведь выехало! Вот как...

— Ты, Марунь, прибири-ка слезы, — сказала Катя. — Ну, это мне еще плакать, а тебе-то что?

— Да ведь жалко.

— Кого?

— Да что — кого? Тебя, Петрована, его! — сердито прокричала Мария.

— Чего орешь-то? Ну-к, дети, идите к себе, там играйте. Фрося, давай с ними...

Катя выпроводила ребятишек из кухни, обернулась к Марии.

— Я все вроде пережила, Мария, меня-то жалеть... — промолвила она. — Я и за каленое железо голой рукой возьмусь, так не почувствую.

— Ну да, ну да, — закивала Мария, соглашаясь. Она вытерла слезы, сбросила свою жакетку, прошла к столу. — Дай чаю, что ли?

Катя налила ей в чашку, она отхлебнула. — Вот те праздник вышел нам с тобой... Счас он спать лег.

— Рассказывай. Откуда ж он? А то мне Петрован сказал, что будто он...

— Злобный он на все, аж жутко.

— Вон как... — растерянно произнесла Катя.

— За что, грит, я мыкался? Я в том бою, куда меня не оглушило, пять танков подбил... Я, Катерина, как привела его к себе, на стол что-то кинула, бутылку поставила. Он выпил — и пошел, пошел с обидой рассказывать. Как он возле пушки там какой-то один остался, других всех побил, как отбивался от танков этих, да как в плену у немцев очутился. А после освободили его наши с плена и ничему не поверили.

Катя слушала молча, скрестив руки на груди, в глазах ее была разлита сплошная боль.

— До света, Катерина, я с ним так вот за столом и просидела. Спьянел он и орет теперь уж сквозь слезы — ненавижу, мол, все да всех! Поперек ему аж и страшно чего-то сказать было. Потом спросил, рассказка, грит, в подробностях, как дети мои померли, Донька с Захаром, что ж их Катка-то не уберегла?

— Так и проговорил: Катка... не уберегла? — выдохнула она.

— Этак, — кивнула Мария. — Тут-то меня и прорвало: дурак ты, говорю, дурак, ты мыкался, а мы тут кисель сладкий хлебали. Да и зачала ему рассказывать... про все.

— Про все?! — как эхо повторила Катя слабым осевшим голосом.

— А что для тебя тут стыдного-то? Али то, как Фроську ты родила? Пушай, думаю, Степан этот все знает. А он... он...

— Ну!

Мария хлебнула из остывшей чашки.

— А он опять заплакал, Кать.

— Заплакал!

— Ага. Тихо теперь так, неслышно. Зажал лицо-то ладонями, а сквозь них слезы и пошли.

Катя сдвленно всхлинула, отвернулась к окну, потянула к лицу конец фартука.

— Сердца-то, выходит, у него прежнего еще маленько где-то осталось, вот и проняло. — До-олго так сидел. Потом еще водки попросил, выпил и говорит: вот за что Катке ноги-то целовать надо...

— Перестань! Хватит... — почти просто-нала Катя, не оборачиваясь.

— А больше и нечего говорить. Посидел он еще молчком да попросил уложить его где-нибудь. Чего, говорю, где, вон моя кровать. Уложила его, да к тебе. Чего же делать нам теперь с ним?

— Не знаю я, Марунь. Он сам, наверное, решит, что ему делать. Тут ли останется, уедет ли куда... Погоди, ты, может, людской молвы, что ли, опасаться? Что он ночь у тебя...

— Че мне вдовой-то да молодой такой бояться? — горько усмехнулась Мария. — Тут даже и погордиться можно.

— И не бойся. Пообихаживай ты куда его, а? Непросто ему счас прибиться куда. С Игнатом тоже вот как у него получится? Он же трехлетним, по четвертому был, как Степан на фронт-то ушел, почти и не помнит его.

Мария допила совсем остывший чай и встала.

— Пойду, а то у меня печка топится. — Она прошла к двери, увидела котомку. — Это его, что ли? Странники с такими вот ходят.

— Его.

— Так я отнесу ему.

Она подняла котомку, постояла в ожидании, видя по Катиному лицу, что та хочет задать ей еще какой-то вопрос, спросить чего-то. И та спросила:

— Что же он... не писал-то после войны? Хотя бы одно письмо... куда детей у нас с Петрованом не было.

— А я спрашивала, Кать. А он — что, говорит, с тюрьмы-то... не мог, говорит.

— Ладно, ступай... Только я прошу тебя, Маруня... Ты никому боле про это... про злобность эту его. Сама говоришь, что и прежнего сердца у него есть еще краешек... А там и все отойдет.

— Да это я понимаю, Катерина, — сказала Мария.

* * *

Весь этот день Катя никуда не выходила, то и дело поглядывала тревожно и боязливо за окна, будто где-то под ними и могла проявить себя стерегущая ее опасность. Но видела лишь, как обычно, ряд домишек вдоль пустынной улицы, да сверкающие белым еще снегом холмы.

Когда солнце пригрело по-настоящему, она велела Фросе с Марийкой покатав маленького Данилу на санках по воздуху, собрала его, выпроводила детишек, долго сидела одна за пустым столом. Сами собой лезли в голову и крутились там обрывки пережитого. Свадьба Степана Тихомилова с Ксенией... Ее смерть, в которой глухо обвиняли то Василиху, то эту старую каргу Федотью, неизбежное горе Степана, которое она, Катя, переживала, как свое... А потом вокруг нее — ребятишки, ребятишки, свои и Степана Тихомилова — Мишуха, Николай, Захар, Донька, Зойка, Игнатий, не поймешь, не разберешь какие их, афанасьевские, а какие тихомилоские. Она все обихаживала, обстирывала, кормила эту вечно грязную и голодную ораву, день за днем, месяц за месяцем... И когда-то вроде она вдруг захотела, чтобы Степан сыграл ей на своей гармошке так же, как играл в свое время для Ксении, а Степан не стал, все отказывался. Вместо этого он, кажется, сказал ей — я б женился на тебе, кабы Ксения забылась. Ну да, так он точно и сказал, а что же она?

Катя наморщила лоб, пытаясь вспомнить, что же она почувствовала и как вела себя после этих слов. Но не могла, время да заботы многое, оказывается, затерли. Да и хорошо, с облегчением отметила она, иначе все то пережитое слишком уж тяжело, а может, и невозможно было бы носить в себе. Но вот что она ясно помнит — проводы Степана на фронт. Всего-то полтора дня дали мобилизованным на проводы. Степан все порывался отвезти детишек своих в детдом, а она, Катя, кричала ему: «Какой детдом? Ополумел! Будто я уж неживая. Али непривычная к такому делу...»

Вспомнив это, Катя почувствовала, как закапали из глаз слезы. Коли б отвез в детдом их — остались бы живы его Донька с Захаром, а она вот не сохранила их, она, она виноватая в их гибели! Да кто ж знал, что так все получится, что все шестеро, как отец на войну уйдет, с одной с ней останутся, что Пилюгин Артемий вместе с матерью своей Федотей изъедят ее жгучей ненавистью...

Поплавав, она будто и облегчилась, стала думать, что в гибели его детей она не виновата. Она хотела как лучше. Там, на вокзале, она все кричала ему в ухо: «Не заботься об них... Они же мне давно не чужие... Мамкой, слышал же, зовут...» А Степан отвечал, как пьяный: «Спасибо, Кать...

Спасибо, Катя... Одно скажу тебе, Катя. После смерти Исени я будто еще одну долгую жизнь прожил. Не знаю, как, но ты у меня в душе полный переворот сделала. В общем, как с войны вернусь, и если ты будешь согласна...» Договорить она ему не дала, потому что и так было понятно, что он хотел ей сказать. Когда вагоны уж поползли прочь толстой красной змеей, он все махал ей, свесившись через перекладину поперек дверного проема: «Я тебе обо всем напишу, напишу...»

И вскорости она получила от него письмо еще с дороги...

Катя встала, подошла к полке, которая тянулась поверху стены от печки до самого угла, — там хранились кастрюли, скалка, сито, деревянная квашня, поварешки, туда же ставилась на ночь припасенная к утру всякая снедь, крынки с молоком, чтоб от детишек подальше да кошкам не достать. Полка эта была задернута ситцевой занавеской. Катя отдернула краешек, взяла железную, довоенной еще покупки, банку из-под чая, порылась в Степановых письмах, нашла то первое его письмо с дороги. Катя долго носила его в кармане тогда, конверт весь истерся. Степан писал в нем: «...Катя, Катя, ты в одно поверь, что я тебя полюбил до самого края, а сейчас мне и вовсе стало ясно, какая ты душой необыкновенная. Вот я уехал и во всей полноте почувствовал, сколько тебе придется перенести с моими детьми. Но ты так же и знай, как я вернусь — отплачу тебе за все, за все, а коли выйдешь за меня, так я и ветру на тебя пахнуть не дам...»

Такие же письма он писал ей всегда, до тех самых пор, как они не прекратились. Их не было и месяц и другой, она все ждала, ждала. Потом сообщили ей о похоронной, и она упала, как в могилу...

Держа листок в обеих руках, она долго смотрела на письмо, больше ничего не различая, строчки слились в темные сплошные линии. Она думала, что из могилы помогли ей выползти добрые люди — дед Андрон, бабка его, Марунька, Дорощев, Петрован — все. Потянулись, пошли годы, новая жизнь пошла да пошла, а старая проваливалась куда-то все глубже, забывалась все глуше, и вдруг вчера из этого темного провала и объявился Степан Тихомилов. Да как же это, как это?!

Она даже и не слышала, только почудилось ей, что в сенях звякнула щекотка. Но когда заскрипела отворяемая в кухню дверь, Катя, возвращаясь к реальности, вздрогнула, письмо торопливо сунула под клеенку, а сама, напрягаясь всеми жилами, встала, будто навстречу той опасности, которую высматривала все утро через окошки. Но через порог шагнула Лидия Пилюгина. Катя обмякла.

— Что это, Катерина... про Степана Тихомилова по деревне говорят — правда, что ль? — торопливо, обеспокоенно спросила Лидия.

— Да, правда вот.

— Ба-а-тюшки! Да это что ж такое?! — в страхе воскликнула она и осела на голбчик, где недавно сидел Петрован.

— Тебе-то чего маяться? Не ты сама, а Пашка твой сгубил в огне сына его Захарку. Так за то получил...

— Да в глаза-то тоже как ему глянуть мне? — простонала Лидия.

После пожара, в котором погибли Захар и Зойка, Лидия, и без того забитая всей прежней жизнью, и вовсе взялась чернотой, будто сама обгорела в том огне, язык у нее как отняли. И лишь когда Пашку увозила милиция, она пробилась к сыну сквозь толпу, подошла к нему вплотную и при всех сказала:

— Чтоб ты сдох там, изверг, такой же лютой смертью. Вот тебе мое последнее материнское слово.

— Что сыну-то родному ворожишь... трясу чна голозада! — взвилась Федотья. — Ишь, Пашенька, какова твоя мать! Да чтоб у тебя язык отгнил!

Он и вправду будто у нее отгнил. Долго еще после Победы она ходила немее камня, людей сторонилась, в колхозе все годы пастишила в одиночестве. С одними бессловесными животными ей было, видимо, легче.

Катя, что ж, понимала ее состояние, с лишними разговорами к ней не лезла, за работу хвалила. Лидия к этому, да и ко всем добрым словам других, относилась недоверчиво, оттаивала медленно-медленно, как застарелая ледяная глыба, засыпанная землей.

А когда Катя на одном из отчетно-выборных собраний предложила ввести ее в члены правления колхоза, Лидия вскопчила как ошпаренная и застыла безмолвным столбом.

— Ты что, Лидия? Не хочешь, что ли? — спросила Катя.

Лидия еще постояла, всхлинула и, зажав рот концом шали, кинулась из конторы.

Лидию выбрали членом правления, еще где-то с неделю она вела себя так же нелюдно, а потом сама пришла в контору.

— Спасибо тебе, Катерина Даниловна, за все... за сердце человеческое. А на меня ты надейся.

— Да я и надеюсь, Лидия.

— Ох, тяжело без людей-то жить...

С того дня Лидия стала меняться быстрее и вот давно уже была Кате верной помощницей, душевной щедрости у нее оказалось в достатке на всех. И сегодня, Катя понимала, Лидия была встревожена не столько своей неминуемо теперь предстоящей встречей с Тихомиловым, сколько ее, Катиним, положением.

Посидев какое-то время в унылом безмолвии, Лидия подняла голову, вздохнула и проговорила:

— Ну, я-то уж ладно... тоже хоть и голову за то с меня снять, так оно по справедливости будет. А вот что теперь-то у вас с Петрованом? Ведь я, как услыхала, аж захолонула.

Катя выслушала эти неумело связанные слова, подошла к ней, села рядышком.

Села, и обе стали сидеть по-бабы молча и тоскливо, понимая друг друга без слов.

Наконец Лидия вымолвила через силу:

— Откуда ж он объявился?

— Ох, погодим об этом. Схочет, так сам пускай расскажет.

— Сама-то хоть видела его?

— Только и видела, как он в двери вошел... да-без воздуха и брякнулась. А сейчас он у Маруньки спит. А может, уже и встал.

— Что же теперь, Катерина?

— Ну, что... Вот все утро тыкаюсь между стен, как слепая. Петрован-то говорит, добрая его душа: раз такой поворот, то как решишь, Катя, так и будет. А я одно чую — прежнее мое сердце к Степану закаменело, и песок по нему давно пошел да засыпал.

— Так тогда и слава богу, Катерина! — встрепенулась Лидия. — А он разве не найдет кого? Вдов-то сколько нынче сохнет... как печерниц вон в поле.

— Да оно и так можно рассудить, со стороны-то все легко да просто. А ведь мне это ему сказать надо. И тоже, как тебе, в глаза смотреть и за Донуку и за Захара...

Лидия только горестно кивала головой, соглашаясь.

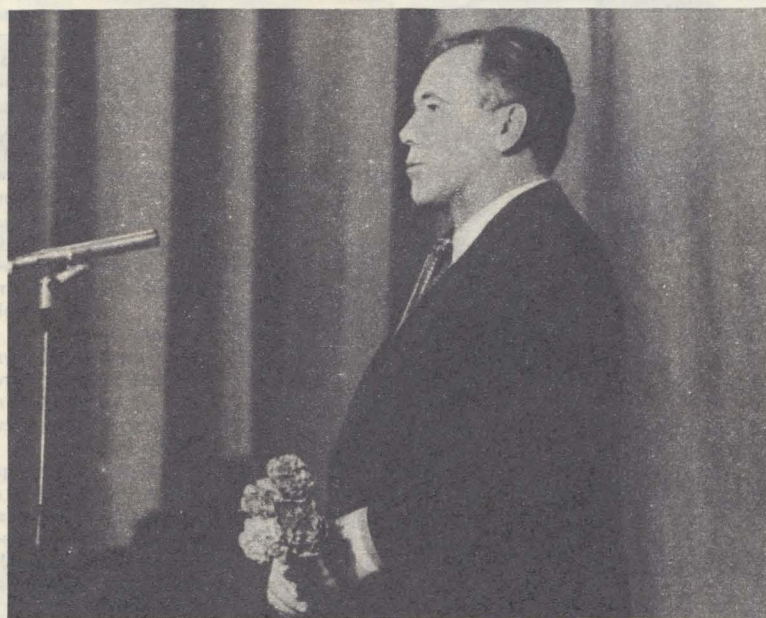
Так они, две немолодые женщины, встревоженно судили да рядили — как же произойдет у каждой из них встреча со Степаном Тихомиловым. Годы у них разные, Лидия на пятнадцать лет была старше, но по внешнему виду они казались одногодками — обе седоватые, с густыми морщинами вокруг усталых глаз, разве вот только плечи у Кати были поправее да грудь помоложе, покрепче. Так они, каждая по-своему, этой встрече страшилась, а произошла она неожиданно, а главное — была для каждой не столь мучительная, может, потому, что обе были чуть пьяненькие по случаю возвращения Мишухи.

Продолжение следует.

ТВ ВСТРЕЧА С ВИКТОРОМ АСТАФЬЕВЫМ

Д. ИВАНОВ

Фото Н. Агеева

Сначала и вопросы были привычные, и ответы казались известными.

Когда родился — пятьдесят пять лет назад; как прошло детство на Енисее, где учился, работал; когда начал писать — в двадцать семь лет... «Как относитесь к юмору?» «Да вот так», — повел плечами Виктор Петрович и тут же «выдал» что-то такое усмешливое... Я пытаюсь вспомнить — и не могу: в тот момент еще не до конца окрепло ощущение, что в останкинской студии происходит не очередная встреча с известным писателем, а большее: слушаешь человека сокровенного, наделенного драгоценным даром общения, — общения не просто душевного, но какого-то исповедального, — и каждое его слово надо сберечь.

Виктор Петрович рассказывал, что много писем к нему приходит, и люди доверяют незнакомому человеку, но автору своих любимых книг то, что раньше открывали только на исповеди. И Астафьев просил прощения у тех написавших ему, которым еще не дал ответа: даст обязательно, это его давняя привычка, но пишет он все сам, своей рукой, а писем стало больше, а всяких других, не очень писательских дел тоже прибавляется...

И тут: «Зачем вы пишете?»

Такой простой и такой сложный вопрос, и можно ответить безответно, — все равно как спросили Толстого, что он хотел сказать «Анной Карениной», на что последовало: для разъяснения пришлось бы написать роман заново.

А Виктор Петрович ответил очень серьезно и даже неожиданно: «Я зарабатываю этим хлеб насущный для себя и своей семьи». А дальше писатель повел речь о том, что нынче мы почему-то стали стыдиться, как добываем этот хлеб, что сплошь и рядом развелись белоручки, — нет, Астафьев сказал как-то точнее: гладкоручки, что ли, нежноручки... А вот пишет-то он с тем, чтобы сказать своими книгами правду. И тут же писатель заговорил, какая это трудная и выматывающая задача — сказать правду о жизни. И что перегибают сейчас с этим словом, — особенно расхожим сделало оно в литературно-критическом арсенале, эпитетом «правдивый» награждают создания, и не помышляющие об этой вершине художественного. И хоть это тоже дело не большого ума — вспоминать мысли великих по поводу и без, — но трудно удержаться и не привести слова Льва Толстого: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

...А потом был еще вопрос, на который Астафьев ответил так смело и решительно, как, может, и не доводилось слышать раньше в аудитории, способной объединить несчетное число сердец: «Да в какие же времена хоро-

шему человеку было хорошо?! Хороший потому и хороший, кто берется и делает трудное дело, себя не жалея».

Вот этот призыв: надо же наконец что-то делать, — слышали все, кто видел и слушал, как Астафьев заговорил о водке, о пьяни, о том, что в Вологде, где он живет, пивнушки такие, что от кружки душу воротит. И сколько о культуре питья писали уже, а сделано — что?

А теперь вот еще о природе, о ее сбережении сколько пишем! Десять лет назад в Вологде не писали, а рыбы за милую душу было. Теперь же целыми полосами и в одной и в другой газете выступаем, а рыба — где она сегодня? И ведь известно — почему: последние годы сыпали на поля удобрения без меры, а их смывало, хотя это предсказывали... Так что же теперь — снова писать? А делать когда-нибудь станем, начнем?..

Писатель громогласно роптал против этого безответственного бескровного уничтожения живого, а вскоре остро кольнули память очень близкие слова из «Царь-рыбы»: «...Страшусь, когда люди распоясываются в стрельбе, пусть даже по зверю, по птице, и мимоходом, играючи, проливают кровь. Не ведают они, что, перестав бояться крови, не почитая ее, горячую, живую, сами для себя незаметно переступают ту роковую черту, за которой кончается человек и из дальних, наполненных пещерной жутью времен, выставляется и глядит, не моргая, низколобое, клыкастое мурло первобытного дикаря». Горькие слова эти вспомнились через день после астафьевского вечера, когда в «Комсомольской правде» напечатан был очерк об убийстве в Кореновске, Краснодарского края: случайном убийстве 28-летнего парня группой десятиклассников, случайно вышедших в школьный двор в разгар выпускного вечера... «Чему, чему же мы их недоучили?» — задаются вопросом авторы очерка в «Комсомолке». Один из ответов в очерке дан: они, эти ребята, «перестали бояться крови», пролитой в драке, «не почитают ее, живую, горячую». И за это давно пора спрашивать с тех, кто обязан не закрывать глаза на безобразные стычки.

...А задиски к Астафьеву плыли одна за другой, и на каждую писатель отвечал так, что дело оказывалось даже не в сути ответов: из молодых особо люблю Валентина Распутина; за последнее время запомнились повести Е. Носова «Усвятские шлемоносцы» (1977) и В. Кондратьева «Сашка» (1979); заканчиваю работу над книгой «Зрячий посох», посвященной критике Александру Николаевичу Макарову, которого называю «дворником» за то, как все-все в «литературном дворе» он старался обиходить; нет, переезжать из Вологды, «обременять» собою столицу не собираюсь; сейчас открыл для себя Гоголя, — каждую его

фразу, даже полфразы ощущаю как нечто совершенное... Дело было именно в самом живом, откровенном, умном и равном общении, по которому так всегда тоскует душа.

Да, общение... «А вот у меня в «Царь-рыбе», в самом конце главы «Сон о белых горах», есть такие очень важные для меня слова: «Да что же мы такие одинокие...» — а критики почему-то на них не обращают внимания... Я вот смотрю на современные дома, похожие на муравейники, но не живущие мудрой и взаимосвязанной жизнью муравейника, и всегда вспоминаю, как приходилось мне одно время ездить рано-рано на электричке. Пока едешь к Москве, кругом громады домов, и везде окна темные-темные, и только в одном каком-нибудь — свет, и сердце сжимается: что там — горе, радость?

Кто сейчас в большинстве живет в этих многоэтажках? Кто из деревни уехал: одной ногой — в городе, другой — в селе. Прежнюю, сельскую культуру забывают, к городской не привыкли, новую, свою еще когда создадут...»

А вопросы не прекращаются.

«Виктор Петрович, какой самый яркий момент запомнился вам на войне?» Чуть подумав: «Самый яркий — это значит светлый?.. Не было таких, война осталась в памяти только страшным и мрачным. И когда даже не убивали, всегда была тяжкая, непомерная работа».

«Довольны вы тем, что написали?» «Бывает. Иногда случится — очень! Тогда смотрю на полки с любимыми книгами, а там — Иван Бунин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, Лесков... И сразу как-то пыл спадает».

Спросили, «болеет» ли Астафьев? Оказывается, не чуждо ему и такое увлечение. Думается, приятно было Александру Мальцеву узнать, что именно за него и его команду «болеет» Астафьев зимой. А летом — за другую, и тут писатель оказался весьма едок и язвитель (я не называю эту футбольную дружину, поскольку особой разницы между ними нет, и то, чем «отличил» Астафьев своих любителей, следует отнести к подавляющему большинству наших «мастеров кожаного мяча»).

...Сейчас я мечтаю: телевидение, которому надо сказать огромное спасибо за эту встречу, конечно, повторит передачу, и можно будет вновь и вновь вслушиваться и вдумываться в сказанное писателем.

Есть, правда, еще одна мечта. Каждый день Центральное телевидение по четвертой программе на сон грядущий «крутит кино», показывает все подряд, без разбора — картины, которые и в момент выпуска, десять и двадцать лет назад, не могли пользоваться успехом, а теперь и подавно. И насколько бы интереснее и полезнее было увидеть вместо них, пусть в пятый и в десятый раз, передачи из золотого телевизионного фонда — такие, как встреча с писателем Виктором Астафьевым.

Мария Эужения НЕТО

СКАЗКА

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Мария Эужения Нето родилась 8 марта 1934 года в Португалии. Закончив среднюю школу, посвятила себя изучению иностранных языков. Еще в школе она начала писать стихи и статьи, которые разоблачали несправедливость и жестокость салазаровского фашистского режима. В период борьбы ангольского народа против португальских колонизаторов Мария Эужения Нето писала для радио и газет ангольского Сопротивления. В настоящее время М. Э. Нето занимается вопросами культурного строительства молодой ангольской республики, руководит изданием Бюллетеня Организации ангольских женщин (ОМА), печатается в детских газетах и изданиях для детей. Ею написаны статьи и рассказы, опубликованные во многих странах мира.

Сказка «О чем говорили звери в лесу» написана в 1972 году, выпущена в Португалии издательством «Африка» в 1977 году. На международной книжной ярмарке 1978 года в Лейпциге книга получила премию Национальной комиссии ГДР при ЮНЕСКО.

Моим дорогим детям
Марио-Жоржу,
Ирене-Александрэ
и Леде
с любовью.

...Мне пришла в голову мысль записать одну из историй, которые я рассказывала Марио, Ирене и Леде. Чаще всего Марио, потому что он очень плохо ел. Но эта сказка обращена и ко всем ребятам Земли, ведь звери занимают особое место в сердце каждого ребенка...

— Ма, расскажи сказку!
— Ешь-ка, ешь.
— Ну, расскажи...
— Так и быть, слушай. Жила-была овечка. Она ленилась лазать по горным склонам и щипать травку. Тогда пастух рассердился на нее и перестал играть на дудочке, и она... Жуй, жуй, а то не узнаешь, что было дальше!
— А потом? Ма?
— Овечка испугалась, что пастух ее разлюбит, снова стала послушной. От сочной травы шерсть у нее сделалась густой и длинной. Пастух остриг овечку, и из шерсти получились теплые свитера для его детишек. Ну, глотай же!..

Печатается с небольшими сокращениями.

А вот другая история.

Шла война. Перепуганные насмерть звери бежали в лес, в самую гущу. И собрались на лужайке на берегу чудесного озера со свежей и прозрачной водой — там можно было утолить жажду, полюбоваться кувшинками, послушать пение птиц.

Посреди лужайки рос огромный баобаб. Зверь уселся под ним в кружок, с важным видом занял свое место Лев. На его царственной голове, подобно короне, красовалась пышная грива. Голосом, прогрохотавшим, как гром, Лев открыл военный совет.

— Я самый сильный-пресильный, но без вашей помощи мне теперь не обойтись.

— А в чем дело? В чем дело? — хором закричали звери.

— Тихо! — рыкнул Лев, и все смолкли. — Сначала послушайте меня, а потом, если кто захочет выступить, пусть поднимет лапу, и мой секретарь Слон даст слово.

И продолжал:

— Даже сюда доносятся грохот и стоны. Пламя уже лежит опушку нашего леса. Слышите, как жалуется земля: «Я так щедра к своим детям, все им достается без труда, и все же они воюют! Жгут, разрушают, уничтожают все, что солнце любовно взрастило на моем лоне».

Наступила мертвая тишина. Даже мухи перестали жужжать.

— Но люди не слышат жалоб земли, — продолжал Лев. — Они грабят ее, бурят огромными бурами, выкапывают из ее тела соль, уголь, минералы, будто мать сама не знает, что надо ее детям.

Лев откашлялся. «Какой он мудрый! — думали звери. — Настоящий царь!»

Лев продолжал свою речь:

— Еще в незапамятные времена наши предки пришли в Африку. Пролетело еще много лет, и в одно прекрасное утро земля оделась в пестрый наряд, точно готовясь к приему важного гостя! Цветы возвещали приход Властелина Вселенной!

И появился человек!

Земля пела от радости, весело журчали реки, щебетали птицы.

Впереди у человека было много работы, но все благоприятствовало ему на земле.

Мы, звери, сначала завидовали ему и надумали его уничтожить. Странное дело, мы были сильнее, однако нам не удавалось его победить. И тогда мы поняли, что были неправы. Мы устроили собрание и порешили уступить ему место. А сами ушли в высокие горы и густые леса.

Но он, злопамятный, не простил нам того, что было. Человек изобрел страшное оружие, чтобы убивать зверей. Начал с огня: устраивал огромные костры вокруг своего жилища, поджигал леса. Потом расставил коварные ловушки, смастерил стрелы, а позже изобрел порох. Мы отступали все дальше, оставляя ему землю!

Людей становилось все больше и больше, они заселили всю планету, подобно цветам на лугах — красные, желтые, белые, черные. Черные, как черные розы или черные лебеди. Белые, как лилии или снежинки, с волосами, светлыми, как лен...

Вначале люди жили мирно и счастливо, помогали друг другу. Но потом одни стали завидовать другим. И тогда люди принялись убивать себе подобных. Среди животных одного вида такого не бывает. Мы потеряли к ним всякое уважение.

Начались войны. Земля стала похожа на кровоточащую рану. Победители глумились над побежденными. Появились рабы в Египте, Греции и, наконец, у нас, в Африке. Человек все дрался, чтобы присвоить себе то, что было создано не его руками. Это продолжается и поныне!

Что же нам делать? Примириться с безумием людей? Ведь война бушует в нашей стране, она пришла сюда, в самые отдаленные уголки. Необходимо защищаться. Даю вам ночь на размышления.

Настало утро. Солнце посылало на землю разноцветные лучи, заключая все живое в теплые объятия. Первыми проснулись птицы и, наполняя землю радостным пением, разбудили сонный лес. Но зверям, уставшим накануне, казалось, что ночь была слишком короткой, поспать хотя бы еще несколько минуток... Но раздался сигнал, и звери забыли об усталости. Приказ есть приказ! Все быстро умылись и вновь собрались на лужайке.

Первым взял слово Слон, не отличавшийся особым красноречием. Он начал свое выступление так:

— Э-э... Мне лично кажется весьма знаменательным, что мы собрались все вместе; мы можем обсудить вопрос и, выслушав различные мнения, принять решение. Постараюсь быть кратким, тем более что мы не должны терять время — война уже на пороге. Я предлагаю...

Но, честно говоря, он сам не знал, что предложить... Как противостоять атомному оружию, которое может разрушить самую Землю?

Слон помолчал-помолчал и наконец сказал:

— Предлагаю уйти еще дальше в лес, а на опушке устроить засаду и послать в нее самых свирепых зверей. На первых порах это должно помочь. А потом... придумаем еще что-нибудь. Кажется, все...

Следующим заговорил Жираф. Он сказал так:

— Здесь присутствуют посланцы из соседних лесов, попросим у них помощь и подкрепление. А Тигров пошлем в засаду, как предложил Слон. Никто из зверей не сравнится с ними в силе и ловкости.

— Нужно отправить гонцов в соседние леса.

— Предлагаю Страуса! — крикнул кто-то. — Он быстрее всех бежит.

— А Лошадь?

— С ней надо поосторожнее!

Собака и Лошадь переглянулись.

Собрание продолжалось.

— Кажется, Обезьяна обиделась, что ей еще не дали слова, — заметил Лев. — Ей наверняка есть что сказать.

— Если так, пусть говорит!

— Из всех зверей я больше всех похожа на Человека, и вам следовало с самого начала посоветоваться со мной!

Среди собравшихся пробежал недовольный ропот.

— Нет, вы только послушайте! Не хватало только, чтобы она их защищала!

Но Обезьяна продолжала:

— Нашлем насекомых на их дома. А Крысы и Крысы пусть пророят подземные ходы и снабжают нас едой и обмундированием. Ну, как?

— Да, действительно это разумно, — согласились звери, — ведь не смогут же люди стрелять насекомыми! А кто не слышал истории о том, как жители оставляли целые города, спасаясь от крыс? Благодарим тебя, Обезьяна, извини, что мы в тебе усомнились. Тебе боль-

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ЗВЕРИ В ЛЕСУ

ше всего достается от человека. Вы так похожи, а он не стыдится сажать тебя в клетки, убивать и даже есть!

Обезьяна уселась с гордым видом.

Подождал черед Гиены:

— Я буду повсюду следовать за вами и уничтожать трупы, чтобы они не отравили наши леса. Кобры и Удавы тоже могут сослужить добрую службу — пусть жалят людишек всех подряд!

— Верно, верно! — закричали звери.

— Как видите, предложений хоть отбавляй! — сказал довольный Лев.

Солнце уже стояло высоко в небе, стало жарко, и уставшие животные слушали выступавших невнимательно.

Лев предложил сделать перерыв. Звери поднялись и устремились к озеру.

На озере росли чудесные лилии. Гладкие листья и белые лепестки нежно золотило солнце. Лягушки, как акробаты, скакали от цветка к цветку, хвастаясь своими подводными дворцами.

Звери купались, фыркая от удовольствия. Шум стоял невероятный, — каждый говорил на своем языке и, если бы не птицы-переводчики, то им бы ни за что не понять друг друга.

Бабочки порхали от цветка к цветку, оставляя на тычинках животворную пыльцу. Ящерица внимательно наблюдала за ними, борясь с искушением сцапать одну из красавиц.

Кошка, в свою очередь, облизывалась, горя желанием полакомиться Ящерицей. Но строгий голос Ворона остановил ее:

— Ты что надумала, плутовка? Хочешь сорвать наш военный совет?

И Кошка покраснела от головы до хвоста, хотя была от рождения серой...

Деревья мерно покачивали ветвями. Но грациозное покачивание в одно мгновение сменилось резким, безудержным танцем. Надвинулись черные тучи, налетел ветер. Еще недавно безмятежное озеро забурило, лилии задрожали, спрятали головки, беспомощно закрыли венчики.

Стало холодно. По совету Ворона звери решили укрыться под деревьями, пока не пройдет гроза, и попросили Лебедя рассказать сказку.

— Эта история о человеке. Не знаю, понравится ли вам. Но раз уж собрались мы здесь по его милости, то слушайте.

Жил-был отважный охотник.

Каждый день вставал он раньше, чем солнце выглядывало из-за гор, и неведомая сила влекла его в волшебный лес.

Птицы и звери еще не жили в сладких объятиях утреннего сна, а он уже пробирался по лесу тайной охотничьей тропой. Цветы умывали нежные головки в прозрачных каплях росы, подставляли лепестки первым солнечным лучам. Озорные ручейки, болтая что-то на своем непонятном языке, обдавали охотника прохладной водой, а он все шел через изумрудные луга, между вековыми деревьями, прислушиваясь к старым историям волшебного леса.

А далеко на горизонте высилась диковинная гора. По утрам, когда всходило солнце, она розовела, днем покрывалась белыми цветами, вечером становилась фиолетовой. Ветер доносил туда звуки странной музыки и чудесный аромат.

«Эта гора, — думал охотник, — скрывает какую-то тайну»...

Но как ни стремился отважный охотник приблизиться к горе, ничего у него не получалось.

Тетива его лука пела песню смерти, стрелы не знали промаха, а сердце было спокойным и холодным, как вода в горном озере.

С богатой добычей возвращался охотник домой, забыв про волшебную гору и ее тайну, а старый лес не рассказывал ему больше своих историй.

Но вот однажды, когда на небе только начинали бледнеть звезды, охотник вышел из хижины и отправился в лес. Неслышно ступая по сухим листьям, он раздвигал руками ветви деревьев, смотрел на птиц, спящих в гнездах, на маленьких зверушек, умывающих забавные мордочки. Заботливые мамы хлопотали в поисках свежей травки для своих малышей. Но маленькие львята и тигрята не хотели есть травку, подавай им других зверушек!

Опечалился молодой охотник — ведь и он

должен убивать зверей и птиц, чтобы прокормиться. Он вдруг понял, что не принесет ему больше радости богатая добыча.

И тогда охотник сломал стрелы, бросил лук и дал слово, что не прольет больше крови тех, кто ему дорог, что будет любить зверей и птиц, как своих младших братьев.

Лес притих, услышав гордую мужскую клятву. А на далекой, розовой и такой желанной горе распустились белые цветы.

Улыбнулся охотник и пошел к волшебной горе. Теперь он был уверен, что не ускользнет от него ее чудесная тайна.

И вот представьте себе, вышел он на большую поляну, посреди которой стоял старый-престарый баобаб. А под ним каких только зверей не увидел охотник! Здесь и олени, и грациозные косули, и свирепые буйволы с печальными глазами, и пестрые крикливые попугаи, и задумчивая лысеющая птица марабу, и угрюмый носорог, и много других животных, названий которых он не знал. Старый Слон мудрым взглядом маленьких глаз следил за происходящим на поляне, чтобы в случае опасности протрубить тревогу.

Окружили звери охотника, выставили вперед острые клыки, длинные рога, приготовили к бою мощные копыта. Слон уже поднял хобот, чтобы схватить юношу, но тут откуда ни возьмись прилетела голубая птица и воскликнула:

— Братья! Остановитесь! Этот юноша поклялся больше никогда не убивать нас! Он понял, что нечестно приходить в наше лесное царство, дышать прохладой и свежестью наших рек и рощ, а взамен обгагрять кровью наших детей места, где жили наши отцы и деды. Он понял это, и теперь мы отведем его на розовую гору!

Звери и птицы повели его туда, к далекой вершине. Отважный охотник готов был понести справедливое наказание. Одного лишь он боялся, что не удастся ему узнать тайну розовой горы. Он все шел и шел, и усталость начала одолевать его.

Но тут голубая птица уронила волшебную палочку, которую держала в клюве, и у подножия горы образовалось прохладное озеро, подул свежий ветер.

— Здесь начинаются владения принцессы, — молвила птица, — дальше юношу поведу я, а вы возвращайтесь в лес. Не сомневайтесь, справедливость восторжествует, как этого требуют наши обычаи!

И голубая птица повела охотника в прекрасную страну. Солнце светило ярко, но не

жгло зноем. Мягкий ветер приносил нежный запах цветов. На земле, среди белых камушков, струились прозрачные источники. Их брызги падали на траву прозрачными жемчужинами.

Но вот путь охотнику преградили заросли жимолости и колючей акации, увитые диким плющом. Тогда волшебная птица подхватила юношу и в мгновение ока перенесла на сказочную розовую гору.

Протрубила труба, расступилась грозная стража, и очутился охотник в большом зале сказочного дворца, утопающем в невиданных цветах.

Охотник подумал, что близка расплата, что не увидит он больше свет солнца и свой любимый край, не отдохнет уже в прохладной тени ветвистых деревьев, не услышит, как поющие речушки целуются с землей, укрываясь от нескромных взоров белой пеной водопадов.

Но тут отворилась потайная дверь в стене, и в зал вошла принцесса, стройная и юная, в платье из лепестков белого лотоса. Сердце отважного охотника затрепетало.

Раздалась волшебная музыка, точно сама природа заговорила таинственным голосом:

— Это я, фея жизни, та, которую люди знают в образе цветка Лилии, чей аромат пьянит их во время весенних рассветов. Это я влекла юношу к розовой горе. Но он, следуя обычаям своих предков, убивал зверей и птиц, и голос крови заглушал в нем голос любви. Теперь же глаза его полны доброты. Он наш друг. Он поможет нам. Дочь моя, если ты его полюбишь, чары рассеются, и ты больше не будешь одинокой. Посмотри — он достоин прощения и любви. Любите друг друга, и весь мир станет вашим царством.

И, взявшись за руки, юный охотник и прекрасная принцесса поклялись в вечной любви.

На свадьбу пришли все звери. Слон, низко кланяясь, окропил молодых душистым нектаром, пожелал им счастья и долгих лет.

А потом охотник и принцесса отправились к людям, чтобы убедить их никогда не обрекать на смерть ни птицу, ни зверя, ни цветок, ни былинку.

Вот и закончилась сказка! Дождь прошел, только капли сверкали на листьях и падали вниз, на землю, тихонько напевая свою песенку: кап, кап, кап, кап...

Небо посветлело, птицы взлетели высоко-высоко, к самым облакам, словно хотели убе-

даться, что там, наверху, не осталось воды и можно не бояться дождя. Сказка, рассказанная Лебедем, смягчила гнев животных. Этим решили воспользоваться Лошадь и Собака.

Вот что сказала Лошадь:

— Друзья! Я была первой среди вас, кого приручил Человек. Сначала я сопротивлялась, но потом стала постепенно отвыкать от леса. Я полюбила свою новую жизнь, хотя частенько мне приходилось трудно. Я повсюду сопровождала Человека, летела быстрее ветра, унося его от врагов, помогала ему завоевывать чужие царства. И люди любили меня. Я объезжала все земли и страны. Но — не стану скрывать — меня частенько бьют кнутом, взваливают на спину непосильную ношу. Но не это обидно! Неблагодарный Человек продает меня или бросает, когда уже ничего больше не может взять от меня, когда я отдала ему все силы.

Слова Лошади взбудоражили всех: послышались голоса: «Бедная, бедная! Человек — это все-таки чудовище!»

Затем слово попросила Собака:

— Все, что сказала Лошадь, — правда! — заявила она. — Но я хочу добавить, что есть все-таки и добрые люди! Например, тот охотник, о котором рассказывал Лебедь. Он основал общество защиты животных, чтобы охранять нас от разных бед. У этого общества есть свои законы, с которыми считаются даже правительств. Тех, кто плохо обращается с нами, часто наказывают.

— Вот оно что! — загалдели звери. — А мы и не знали!

— И у нас, в Африке, созданы заповедники, которые находятся под защитой правительств. Людям запрещено охотиться в них.

— Неужели? Подумать только!

— Вот так-то. Люди со всего мира приезжают, чтобы посмотреть на нас, понаблюдать за тем, как мы живем. Ученые изучают останки наших предков, не жалеют сил, чтобы нам было лучше жить.

— Может, это и так, — возразили звери, — но здесь, в Анголе, люди несут смерть в наши леса.

— Что правда, то правда! Но поверьте, не все люди одинаковы. Истинные хозяева нашей страны борются за свою землю, они прячутся в лесах от врагов. Это партизаны. На них мы не должны нападать. Наоборот! Надо помогать им! Наши недруги — те, кто пришел сюда издалека и истребляет наши леса. Поможем партизанам, и тогда новые хозяева нашей страны создадут и для нас заповедники, как в других, свободных странах Африки!

Звери слушали Собаку с большим интересом. Ведь она давно живет с людьми и знает о них много такого, о чем другие животные даже не догадываются.

Но вдруг у края опушки послышался грохот, полыхнули языки пламени. Звери вздрогнули от страха. Бегемоты и Крокодилы нырнули под воду. Закатные лучи солнца осветили поле недавнего боя. Повсюду валялись тела убитых и раненых, кровь пропитала землю.

Лазутчик, отправленный зверями на разведку, вернулся напуганный до смерти. Он не находил слов, чтобы описать увиденное.

— Зачем только люди это делают? — шептали звери.

— Дружили бы друг с другом и были счастливы! — воскликнул маленький Олененок, прижимаясь к теплому маминому животу.

Звери, замерев, уставились на верхушки деревьев: там шипело и щелкало, прыгало и металось пламя, грохот, подобный раскатам грома, все приближался.

Прошла ночь, и вновь наступил день. Звери проснулись. Птицы вспорхнули на верхушки деревьев, чтобы посмотреть сверху, что там происходит у людей. Пусто! Никаких признаков жизни! Лагерь разрушен! Ангольские партизаны отступили или погибли. Испуганные и растерянные звери не знали, что теперь делать. «Может, бежать в другие леса, — предложил Буйвол, — туда, где люди не убивают зверей и где можно жить счастливо?» Но тут вмешалась Обезьяна:

— Знаете ли вы, что значит быть беженцем? Тоскливо жить на чужой земле. На вас будут смотреть, как на нищих, несчастных, бездомных пришельцев. Лучше уж погибнуть, защи-

щая наши леса, и наши дети будут гордиться нами!

Поднялся невообразимый шум. Льву долго не удавалось успокоить зверей и навести хоть какой-нибудь порядок.

Мама Олениха тихонько шепнула сыночку, что они убегут отсюда при первой возможности. Но Кошка, выгнув спину от возмущения, назвала ее трусихой:

— И не стыдно тебе?

Из больших глаз Оленихи потекли слезы, она призналась, что не умеет сражаться.

— Я тебя защищу, — обещала Кошка. — Я хоть и люблю людей, они со мной не больно считаются! Впрочем, если уж тебе так страшно, беги! А я останусь здесь до конца — ведь здесь мой дом!

Наконец Лев добился тишины:

— Мы объединимся с партизанами! Они не дадут нас в обиду!

И тут появилась голубая птица, посланница Цветка Лилии. Вначале все услышали чарующую трель, шум крыльев, и вот птица опустилась на поляну. Все сразу притихло, ведь она была гонимой доброй лесной феи. Лес уже снова окутывали сумерки. Жираф нашел светлячков, разложил их на ветвях деревьев, от корней до самой верхушки. Лес осветился мерцанием зеленых огоньков; если кто-нибудь случайно задевал за ветку, то звездный дождь осыпался прямо на зверей. Казалось, звезды опустились на землю, чтобы принять участие в военном совете.

— Смелее, друзья! — заговорила голубая птица. — Близок день освобождения! Сколько веков Африка была рабыней? А сколько стран теперь освободилось? Почти все, разве не так?

— Так, так! — хором отвечали жители леса.

— Сколько лет сражаются ангольцы с оружием в руках! Это долгий путь, полный крови и слез! Но если дурных людей не убавилось, то добрых стало намного больше! Не покидайте, звери, свою страну! Боритесь! Потом вы сможете гордиться, что вместе со всем народом сопротивлялись чужеземцам. Близок день победы! Смелее, друзья! Долой сомнения и страхи! Послушайте рассказы тех, кто покинул родину. Они повсюду чужие. Наберитесь терпения! Когда я пролетала над полем битвы, на горизонте вспыхнули такие слова: «Завоевателей ждет гибель!» Я прилетела, чтобы ободрить вас, не поддавайтесь отчаянию! Прощайте!

Птица поклонилась совету, расправила крылья, взлетела и исчезла. Звери почувствовали, как в их сердцах и мускулах рождаются новые силы. И тогда наконец слово взяли самые старые и мудрые.

— Мы расскажем вам поучительные истории об Угре и Лососе, — сказали они.

— Вот, например, угри. Они рождаются на свет в огромном Атлантическом океане, а потом отправляются в дальний путь, чтобы попасть в реку, где жили их предки. Пересекают холодные и теплые воды, рискуя погибнуть в пасти акул или захлебнуться во время шторма. Плынут, тоненькие, как ниточки, слабые и беззащитные. Много-много раз им преграждали путь огромные плотины, построенные людьми. Угри не сдавались, стремились преодолеть препятствия. И люди, дивясь этому чуду, оставляют теперь специальные проходы, чтобы угри могли продолжить свой путь.

И они плывут, эти удивительные рыбы, безошибочно находят дорогу в огромных водных пространствах и всегда достигают заветной цели!

А Лосось? Он рождается в реке, уплывает в море, плавает целую жизнь, но умирать возвращается в родные места.

Вот что значит любовь к родине!

Так говорили старики, умудренные опытом.

— Мы остаемся! — единодушно решили звери. — Остаемся на нашей родной земле и будем бороться за нее!

— Остаемся! — повторил ветер и понес это решение дальше.

— Остаемся! — вновь и вновь повторяло звонкое эхо, заполняя и лес, и горы, и небо.

— Мы остаемся и будем свободны! — гремело над пробуждающейся Землей.

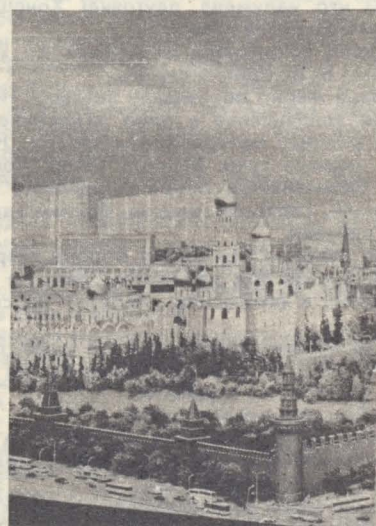
Пересказала с португальского
Эмма НИКИТИНА.

ПАНОРАМА ВРЕМЕНИ

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!

Теперь уже не только для сердца русского, но и для людей всего мира со словом «Москва» связано многое, и прежде всего — сами понятия «социализм», «Страна Советов».

Два года назад на советской национальной выставке в Лос-Анджелесе, которая открылась накануне 60-летнего юбилея Великого Октября, американские зрители стали участниками обыкновенного чуда. Не выходя с территории выставки, они смогли пройти по набережной Москвы-реки, вдоль Кремлевской стены, гулять по Красной площади, любоваться творениями древних русских зодчих, видеть прекрасные современные здания. Зрители двигались по московским улицам, радуясь красоте нашей столицы, такой светлой, счастливой в яркий солнечный день, а затем, когда опускались сумерки и зажигались мириады огней, восхищались ослепительной праздничностью вечернего города. Они будто дышали воздухом нашей столицы, были рядом с москвичами в скверике у Большого театра и на проспекте Калинина. Такой впечатля-

ющий эффект присутствия смогло им дать искусство панорамы. Цилиндрический зал диаметром в двадцать два метра и высотой в семь метров одновременно вмещал 250 человек. Здесь побывали тысячи зрителей, а поток желающих посмотреть Москву не уменьшался. Люди оставляли восторженные записи в книге отзывов. «Благодарю вас за то, что вы привезли свою столицу в наш город» — эти слова одного из жителей Лос-Анджелеса можно отнести непосредственно к автору и художественному руководителю коллектива, создавшего панораму «Москва — столица СССР», народному художнику РСФСР Е. И. Дешалыту.

Почти четверть века вдохновенно работает он в столь популярном жанре. Для Ленинского мемориала в Ульяновске создал две диорамы, показывающие старый Симбирск. В Центральном музее Революции экспонируются его диорамы «Героическая Красная Пресня» и «Штурм Зимнего дворца». А на международных выставках зарубежная публика с помощью работ Е. Дешалыты знакомится с созидательным трудом советских людей, с нашими достижениями в строительстве новых городов и промышленных комплексов, с научным поиском и освоением природных богатств.

Живопись, скульптурные фигурки людей, объемные изображения предметов, световые эффекты, музыка, слово диктора, читающего пояснительный текст, — все это в синтезе рождает увлекательное, запоминающееся зрелище, небольшой спектакль, тонко срежиссированный художником. И вы отправляетесь вместе с ним на Красноярскую ГЭС, в город химиков Навои, выросший в пустыне, в Антарктиду, Крым, следите за полетом космического корабля к Венере.

В каждой работе мастера — темперамент публициста, страстная пропаганда нашей советской жизни.

О. КРАСНИКОВА

ЗВУЧИТ УЙГУРСКИЙ БУБЕН

Прислушайтесь... В застывшей тишине, на пересечении тысячелетних караванных троп, под небом, которое как нигде кажется здесь вечным и неизменным, над землей, хранящей тайны со времен возникновения человечества, глухо и тревожно звучит бубен. Его звук то приближается, то где-то замирает вдали, эхом возвращаясь вновь, пока не поглощает его вовлекающая в движение дробь и отдельный призывный сигнал, приглашающий путника в дорогу.

Здесь, на этой древнейшей земле, живет гордый, красивый, трудолюбивый и поэтический народ — уйгуры. Смерчи завоевателей пронесли над его поселениями, казалось, суждено было исчезнуть ему, рассыпаться археологическим прахом в жерновах истории. Но он выстоял, утвердил свое право на жизнь, объединился с братскими народами, устремляясь в будущее. И эта борьба не могла не породить динамичную поэзию, полнокровную литературу, воспевающую народную жизнь, мудрость труда, святость матери, верность долгу. «Гул уйгурского бубна» — так называется только что вышедший в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», сборник уйгурских поэтов разных поколений.

Как много дорог я изведал,
Как много протопал путей!
По той — возвращался

с победой,
По этой — вел в школу детей...
...Да, разные были дороги.
Немало коротких и долгих.
Но самой была дорогой
Всегда лишь дорога домой! —

пишет в стихотворении «Дороги» А. Кутлуков.

Родина, дом, родные, близкие — эта тема возникает почти у каждого уйгурского поэта, это святыне слова в каждой уйгурской семье. Наверное, не только в уйгурской? Конечно, но уйгуры — один из народов XX века, которому было суждено испытать ужасы расизма. В Синьцзяне, где жили многие из поэтов, представленных в сборнике, им были уготованы смерть, ассимиляция, рабство.

«Погибоша аки обре», — говорилось в летописи об одном исчезнувшем бесследно племени. История знает и другие канувшие в Лету народы. Советская власть возродила к жизни многие уже только фольклорно мерцавшие народности. Так было и с проживающими в нашей стране уйгурами.

Социальная революция раздула угасающую жизнь и сотворила чудо: небольшой по численности народ приобщился к передовым идеям человечества и сам вносит вклад в прогресс, социализм и, не побоюсь этого сказать, в мировую культуру. Сбор-

«Гул уйгурского бубна». М., «Молодая гвардия». 1979 г. Переводы А. Коренева, М. Хамраева.

ник «Гул уйгурского бубна» — свидетельство этого движения вперед, он тесно воссоединяет традицию тюркского стихосложения и ритмы космического века, философскую созерцательность восточной поэзии и революционную диалектику мышления преобразователей нового мира.

Составитель сборника известный ученый, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, профессор Мурат Хамраев, много сделавший для пропаганды культуры и истории своего народа, открывает его поэзией Умара Мухаммади, поэта, чье творчество, как яркая звезда, ознаменовало расцвет в уйгурской литературе. Человек, без остатка отдавший себя революции, У. Мухаммади и в поэзии служил ей беззаветно.

Я рос в полях
И на задворках хмурых.
В цехах, среди таких же
Близка мне песня бедняка...
Боряков...
уйгура

И песни новые —
Зов заводских гудков.
И по душе мне
Этот гулкий голос,
В нем гордость
И судьба отцов.
Когда гудки поют,
Себя, хоть молод,
Я чувствую рабочим
и борцом! —

писал революционный поэт уйгуров.

А время рождало боевую романтическую поэзию, устремленную в будущее, и рядом с «уйгурским Николаем Островским» Умаром Мухаммади, сгоревшим от чахотки, не достигнув двадцатипятилетия, вставали комсомольские поэты, поэты новой эпохи: Абдулхай Мухаммади, Гулистан, Нур Исраилон, Хеиб Закири. Удивительное это явление, когда народ, живущий на бывшей окраине империи, обреченный на растворение и уничтожение, стремительно вовлекался в труд и жизнь страны социализма. Вековой консерватизм и здесь уступал дорогу новому, а зарождавшаяся литература решительно следовала по пути социалистического реализма, освоения новых впечатлений и образов. Абдулхай Мухаммади как бы вторит Маяковскому:

Мы —
новое поколение,
Мы —
молодость страны,
Нас много! Делу Ленина
Все до конца верны.

Хеиб Закири воспевал коллективную работу, первые колхозы, сельский комсомол, стремился к наивысшей и постоянной пользе, он опирался на народную поэзию, фольклор, традиционную восточную классику. Его поэзия афористична:

Если я днем
Ничего не достиг,
Значит, весь день
Я шагнул назад.

Но поэзия молодых уйгуров не шагала назад, она прозревала новые дали, осваивала новые поэтические приемы, идущие из русской литературы, литератур других братских народов. И в то же время она углублялась в свою историю, чувствовала древний поэтический ход, настраивала его на волну будущего:

На памятники я гляжу.
В могилах земляки, родные...
В душе их образы ношу,
Ведь это наши дни были.

...Недаром я пришел сюда
С сынишкой, в первый класс
идушим,
Я помню прошлое всегда,
Чтоб смело говорить
с грядущим!
(Нур Исраилов)

Образ Ленина — символ веры для уйгурских поэтов. Вождь человечества, организатор великой русской революции, он вождь и «красного поколения» уйгуров, всех трудовых людей. Ленин близок, он прост и понятен «как крестьянин в поле, озабочен», «как дехканин, он идет и сеет. Борозда — вся родина, весь мир!» Ибо: «Верят все, кто были у Кремля, в исполнение мечты своей! Вокруг Солнца движется Земля, люди обвивают Мавзолей» (Халил Хамраев).

Но, творя, созидая на Советской Родине, уйгурские литераторы не могли не обращать свой взор на другую часть земли своих предков, где их дома заселялись пришельцами, а родственникам уготовили исчезновение в «лагерях перевоспитания». Зловещей фигурой второй половины XX века предстает перед народами Азии маоцзэдунский Китай. Громкие, сладкозвучные и многообещающие речи об «азиатской солидарности», «революционных скачках», «культурной революции» обернулись агрессией во Вьетнаме, небывалой резней в Кампучии, провокациями в Афганистане и планомерным истреблением и ассимиляцией национальных меньшинств внутри страны.

Многие из нынешних уйгурских поэтов раньше жили в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Их трагическая и скорбная песня посвящена тяжелой доле оставшихся там родных людей. С болью пишет о своей разоренной и неприветливой ныне земле Батур Аршитдинов, создавая образ фламинго — птицы умиротворенности и красоты, пролетающей над Синьцзянской равниной, не желая, как раньше, остаться на ее просторах:

Поредели там нивы, и крыши
Заросли сорняком, не скрипят
Там колоды, и в селлах все
тише.
Клич никто их весной
не услышит.
Оставаться они не хотят.

...Тревожен и скорбен ритм бубна уйгурской поэзии, поведавшей о трагедии соплеменни-

ков. Возносится его звук до самых вершин Тянь-Шаньских гор, чья память погибших, вызывает к стойкости и мужеству, вселяя веру и надежду:

Я верю в дружбу,
Не устану верить,
Что снова
Счастье обретет народ.

И эта вера стоит рядом с великой благодарностью родине Ленина, советским людям, которую воздают поэты спасенного народа. Слово признания сказано каждым из представленных в книге поэтов. Оно задушевное слово брата, оно искреннее заверение в любви настоящего друга:

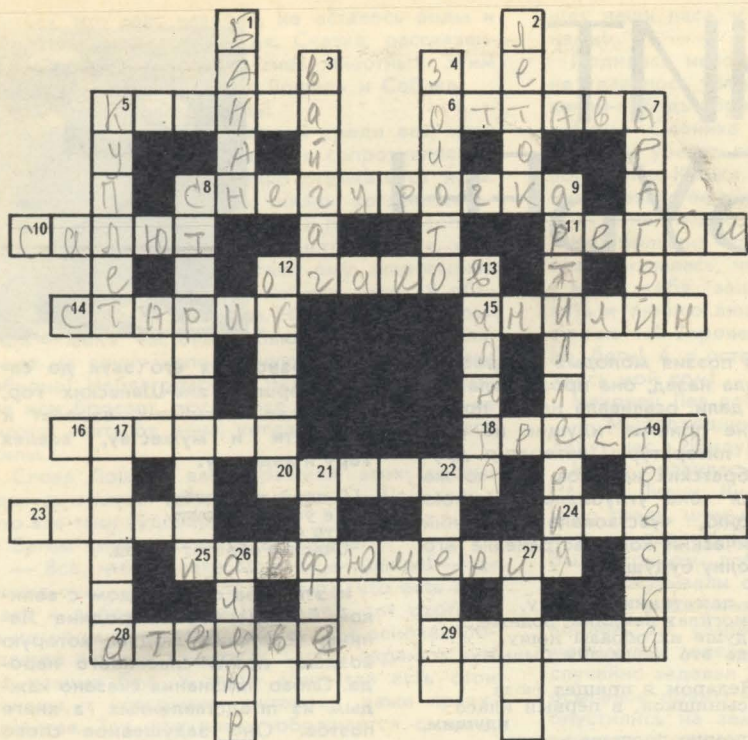
Россия! К тебе пришел я...
...Я знаю, и ты немало
Невзгод испытала, бед!
Воролась и голодала.
Но выстояла, отстояла
Не только себя — весь свет.
...Как будто я снова к жизни
Вернулся, вновь
начал жить!

И нет мне Отчизны ближе.
Ну как мне тебя, скажи мне,
Россия, отблагодарить!

Поэзии, представленной в книжке, близки многие темы нашего века. Она не замкнулась в провинциальной узости, но и не воспарила в недостижимые для человеческого понимания выси. Многообразна ее панорама: тут и преклонение перед создающим трудом («Поливальщик полей» С. Маматкулова, «Руки мои» М. Абдурахманова), солнечная радость («Продолжение жизни» Учкуну), мудрый восторг перед красотой («Дыня» Х. Салиховой, «Осенний базар» Р. Кадыри) космическое дальновидение («Свойство света» А. Кутлукова), обращение к соотечественникам за рубежом («Побратимам» М. Зулпикарова), песенное моление миру («Зерно» И. Бахтия) и воспевание дружбы («Дед» Р. Рузиева)... Да, почти ко всему прикасается волшебная палочка поэзии.

Хорошую книгу подарили нам составитель и переводчик. Отдадим им должное, но не упустим из виду для будущего и поспешность, а порой и излишнее стремление придать своеобразию поэтического образа традиционный, привычный читателю облик. Замечание это важно, ибо в недалеком будущем предстоит, я не сомневаюсь в этом, выход антологии уйгурской поэзии, подготовленной со всей тщательностью, достойной ее места в ряду братских литератур народов СССР.

...Прислушайтесь. Вы уже узнаете характерное звучание поэтического уйгурского бубна. Его ритм возвещает миру о торжестве жизни, вдохновляющей любви, красоте родной земли, о нерушимости дружбы и братства. И он не звучит одиноко и заброшенно в пустоте степей, а гармонически сливается с музыкой всех краев нашей Родины.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Пятая ступень гаммы. 6. Столица государства в Северной Америке. 8. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 10. Праздничный фейерверк. 11. Спортивная игра. 12. Порт в УССР. 14. Пьеса М. Горького. 15. Органическое соединение, применяемое для производства красок. 16. Хищная птица. 18. Обработанная специальным способом солома льна и конопля. 20. Полоса земли, над которой проходит авиационная линия. 23. Злак. 24. Приток Тобола. 25. Ароматические и косметические товары. 28. Мастерская художника, живописца. 29. Народный поэт Дагестана.

По вертикали: 1. Тропическое растение. 2. Отверстие в улье. 3. Остров между Баренцевым и Карским морем. 4. Металл. 5. Часть песни. 7. Река в Грузии. 8. Оптический прибор. 9. Вид вооружения войск. 12. Созвездие южного полушария неба. 13. Денежная система страны. 17. Голландский мыслитель. 19. Промысловая рыба. 21. Повторяющийся стих. 22. Музыкальная пьеса в быстром темпе. 26. Бег лошади. 27. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 5. Минкус. 6. Рылеев. 8. Фейерверк. 9. Спектакль. 12. Молдавия. 13. «Свадьба». 15. Сборная. 17. Аббревиатура. 18. Кончаловский. 19. Комитас. 23. Жолобов. 26. «Товарищи». 27. Миниатюра. 28. Вандурист. 29. Нутрия. 30. Дереза.

По вертикали: 1. Кострома. 2. Перепляс. 3. Анеронд. 4. Центавр. 5. Майков. 7. Вакула. 11. Альтернатива. 13. Гвадалквивир. 14. Баба-нова. 16. «Бородино». 20. Оленин. 21. «Иоланта». 22. Стерлядь. 23. Жирардув. 24. Остужев. 25. Оптика.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мария Иорданова — участница Международной ассамблеи детей в Софии. (См. в номере материал «В стране детства».)

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Художник Е. Дешалыт. Москва — столица СССР. Кремлевские соборы и проспект Калинина. (Фрагмент панорамы.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОВОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 18.10.79. Подписано к печати 09.11.79. А 00745. Формат 70×108%. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2558. Заказ № 1376.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

по просьбе читателей

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Появившись впервые на эстраде, он сначала удивил, а потом привлёк к себе внимание непопулярной в то время строгостью, сдержанностью, чуть ли не сухостью исполнения. Для молодого певца Рената Ибрагимова тогда была важна только музыкальная основа. В манере исполнения — ничего внешнего, бросающегося в глаза. Чуть позже стало ясно, что он верно распределил свои силы. Наделенный редкостью красивым голосом, он сначала только на него и мог рассчитывать. Ни профессионального опыта, ни той изящной раскованности, которую он в полной мере владеет сейчас, не было. Но уже и тогда его отличали среди многих простота, естественность исполнения.

В его жизни, кажется, не было видимых трудностей. С четвертого курса консерватории он поет в казанском театре оперы и балета, исполняя партии Онегина, Валентина, Эскамильо; он — победитель многих всесоюзных и международных эстрадных конкурсов. Тем не менее работает он, как сам утверждает, всегда нелегко. Его способностью трудиться подолгу, не ощущая при неудачах ни уныния, ни раздражения, можно объяснить многое, прежде всего — глубину постижения темы. Многие, но не все. Талант объяснить невозможно. А именно таланту Ибрагимова дарована эта загадочная легкость, особая простота.

вах, движениях видны цельность, искренность, движение души.

Он окончил художественную школу, любит рисовать, пишет стихи; одно из его лучших, на мой взгляд, сочинений посвящено самому близкому человеку — жене Тамаре. Если позволяет время, он часами возится со своими дочками — десятилетней насмешливой Надей и круглоглазой серьезной Верочкой, которой два года.

Работая, Ренат ничего не оставляет на «потом». Щедро растрчивая себя, он приобретает, может быть, самое главное для художника — сознание полной погруженности в творчество, оправданности своего бытия. Пожалуй, это определяет основное в искусстве Ибрагимова. В его пении отражается его душа, несуетная, добрая к людям... Теперешний Ибрагимов — заслуженный артист Татар. АССР, лауреат Государственной премии республики имени Г. Тукая — сохранил все те качества, какими отличался выпускник консерватории. Его талант причудливым образом питался и классикой, и национальными песенными традициями, и современными эстрадными ритмами. Все это определило и неповторимость личности артиста и необходимость его присутствия в нашем музыкальном мире.

Он владеет перспективой развития образа, а не наделяет его лишь сиюминутным переживанием. Это — серьезное достижение.

РЕНАТ

Может быть, все это заложено в его характере? Потому что на самой изнурительной репетиции, уставший и измученный, он может вдруг пройти на руках, а потом удивленно вскинуть брови: «Надо же, получилось!» А вот и еще подобная ситуация. По улицам Казани едет выдавший виды студийный «газик»: со съемок возвращается усталый, голодный Ренат... В машине все молчит, все устало. Но когда «газик» останавливается у светофора, Ренат, взглянув на наши унылые лица, вдруг на полном оперном звучании выдает фразу из «Фигаро». Мы смеемся, а прохожие в изумлении глядят вокруг: откуда донесся такой великолепный «стереофонический» звук!..

В работе ли, дома ли, в разговорах с друзьями, даже с просителями автографов Ренат как истинный артист в чем-то подобен ребенку: во всех его поступках, сло-

При всем том Ибрагимов, конечно, не безупречен. Он молод, и совершенствоваться ему — всю жизнь... Разве что вот берется слишком за многое...

— Это от жадности! — сразу соглашается Ренат. Он вообще охотно соглашается, если речь заходит о его недостатках. Но зато говорить о своей работе он, помоему, вовсе не умеет. Той легкости, простоты, которую в его творчестве видят другие, сам он не ощущает. Однажды во время удачной репетиции его спросили, бывает ли ему трудно. Он ответил изумленно: «А сейчас, по-вашему, легко?» Задумался, потом сказал нерешительно: «Когда уж очень легко поется, значит, не думаешь, о чем поешь...» И, наконец, твердо: «Значит, тогда и не надо петь».

Но ведь поет-то легко, счастли-во!..

И Б Р А Т И М О В

Ренат на съемках.

Перед тем как поднимется занавес.

Этюды.

Сегодня папа дома.

И снова концерт...

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

